

Полина Луговцова

Изгоняющие бесов

Тайны глухих деревень

Полина Луговцова

Шиша. Изгоняющие бесов

«Автор»

2023

Луговцова П.

Шиша. Изгоняющие бесов / П. Луговцова — «Автор»,
2023 — (Тайны глухих деревень)

В окрестностях Дивноречья находят заброшенную деревушку Шишу – несколько бревенчатых изб, вросших в землю по самые окна. Избы привозят в Дивноречье и устанавливают в расположенном там действующем музейном комплексе «Старина славянская». Вскоре в этот поселок приезжает Илья, который давно разыскивает эту деревню. Он уверен, что деревня блуждает по свету, появляется вблизи населенных пунктов, и там вскоре начинаются страшные бедствия. Илья считает, что жители этой деревни одержимы бесами. Однажды он сталкивался с ними, и они сгубили его девушку. Он собирается остановить зло. Только вот как это сделать, если зло незримо, а никаких жителей в найденной деревне никто не видел?

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Лукерья	9
Глава 2. Илья	15
Глава 3. Аглая	21
Глава 4. Купеческий дом	27
Глава 5. Таинственная гостья	33
Глава 6. «Костылёк»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Полина Луговцова

Шиша. Изгоняющие бесов

*Бесовское зло
Сдалось и ушло,
А все, что осталось –
Сломалось,
Умерло, да и сгинуло,
Навеки свет белый покинуло.*

Пролог

Автомобиль резко затормозил на проселочной дороге, подняв густые клубы пыли. Мужчина, сидевший за рулем, выругался, но не злобно, а с облегчением, увидев, что обе девочки, выскочившие из леса прямо ему под колеса, остались целы и невредимы.

– За вами что, черти гонятся?! Куда несетесь, не глядя?! – с сердитым видом заорал он, высунувшись в окно, но тут же осекся, увидев их бледные испуганные лица.

– Пожалуйста, помогите! – Одна из девочек, повыше ростом и с виду постарше, вцепилась тонкими, перепачканными в грязи пальчиками, в опущенное стекло водительской двери. Мужчина заметил, что ногти у нее обломаны, а кожа на пальцах содрана до крови.

– Что случилось? – спросил он внезапно охрипшим голосом и окинул девочку внимательным взглядом в поисках других ссадин или синяков, но на глаза ему не попалось ни единой царапины. На длинном светлом сарафане не было ни грязных пятен, ни прорех, разве что парочка колючих шариков репейника прицепилась к подолу.

– Там тетенька помирает! – закричала вторая девочка, малышка лет шести. Она стояла перед капотом, указывая трясущейся худой ручонкой в сторону леса. – Ее надо выкопать!

– Выкопать? – повторил мужчина и вопросительно посмотрел на старшую девочку.

– Надо выкопать, – подтвердила она уже чуть более спокойно. – У вас есть лопата?

Лопата всегда лежала в багажнике и часто выручала мужчину на проселочных дорогах – по зиме снег откидать, если вдруг машина забуксует, а в сыкотное время, наоборот, грунта и сухих листьев подсыпать, если дорогу совсем развезло. Жил он в деревне, и вокруг всюду были такие вот ненадежные дороги, поэтому и лопата имелась, но пускать ли ее в ход на этот раз? Мужчина с сомнением посмотрел на девочку за окном.

– Объясни, в чем дело.

– Там, в лесу, женщина по самую шею в землю закопана! – выпалила она и прерывисто выдохнула.

– Ох, ты ж... А ну пойдем, посмотрим. – Мужчина, кряхтя, выбрался из машины, прошел к багажнику, достал лопату и уже хотел захлопнуть его, но вдруг задумался. Если девчонки говорят правду, то лучше вызвать полицию и до их приезда ничего не трогать. А еще лучше... еще лучше убраться отсюда подобра-поздорову, а то ведь как пристанут с вопросами, и не отвяжешься.

Младшая девочка подошла и нетерпеливо дернула его за рукав:

– Тетенька умирает!

– Иду, иду. Показывайте дорогу. – Он все-таки подхватил лопату и направился к лесу вслед за детьми.

Едва он шагнул под сень сосновых крон, как сразу ощутил присутствие чего-то враждебного. Послышались не то вздохи, не то шорохи, они неслись отовсюду, приближаясь с каждым мгновением, словно нечто незримое кружило вокруг него, сжимая кольцо. Мужчина остановился и боязливо огляделся, но вскоре понял, что это всего лишь сухие листья кувыркались в траве от едва уловимого ветерка. Жесткие листья, вроде бы осиновые. И откуда здесь, в сосновом бору, осиновым листьям взяться? Хотя вон, через поле, березовая роща, а в подлеске там осинник, и уж облетел весь, даром что сентябрь еще не закончился. Березы-то все в золоте стоят. Еще неделя, и тоже оголятся, а листва поблекнет и ляжет на землю мягким тяжелым ковром. А вот осиновые листья жесткие, когда трепещут на ветру, то звук такой, будто кошки скребутся.

– Дяденька! Скорее! – Старшая девочка помахала ему издали.

Сделав над собой усилие, мужчина двинулся на зов: каждый шаг давался с трудом, словно ноги отказывались двигаться в ту сторону. В голову полезли всякие байки о нечисти, которых

он немало наслушался за свою жизнь. Были среди них и те, в которых говорилось, что нечисть может кем угодно прикинуться, хоть собакой, хоть вороной, хоть даже маленькой девочкой – лишь бы человека с толку сбить да заманить в гиблое место. Вот спрашивается, и кто эти девочки? Откуда они взялись здесь, посреди леса? В своем селе он их никогда не видел, а другое село находилось километрах в пяти отсюда. Не очень далеко, конечно, но это для взрослого человека, а дети-то как здесь одни оказались?

– Дяденька!

Он вздрогнул от нового возгласа и словно пришел в себя, даже устыдился собственной трусости. Прибавив ходу, он вскоре вышел к девочкам, стоявшим рядом с пеньком – это ему так вначале почудилось, а потом он разглядел в том пеньке человеческую голову, торчавшую прямо из земли. Лицо скрывала копна волос, таких грязных, что определить их цвет было невозможно.

От неожиданности мужчина выронил лопату, и она, падая, ударила его по ноге.

– Вот черт! – выругался он.

Девочки одновременно поднесли ладошки ко рту и зашипели. Точно, как в фильмах ужасов показывают.

– Не надо в лесу это слово произносить, – тихо сказала старшая девочка и показала на голову в земле. – Выкопайте тетеньку.

Мужчина опустил взгляд к голове, шагнул ближе, присел и осторожно приподнял волосяную завесу, чтобы разглядеть лицо. Оно принадлежало молодой женщине лет двадцати или немногим больше, это было видно даже несмотря на перепачканную грязью кожу. Никаких признаков жизни в нем не угадывалось: глаза женщины были закрыты, губы отливали синевой, а щека показалась на ощупь твердой и холодной, когда мужчина прикоснулся к ней. Слишком холодная щека для живого человека. Этого он и боялся. Если перед ним труп, то его точно нельзя трогать.

Он обернулся к девочкам и вздрогнул: теперь их стало трое! Третья девчушка, такого же роста, как и младшая, но очень пухленькая, стояла чуть поодаль.

– Кто это? Подружка ваша? – спросил мужчина, дрогнувшей рукой показывая на девочку, появившуюся невесть откуда.

Старшая и младшая взяли за руки и прижались плечом к плечу, словно опасаясь чего-то.

– Это же не человек, – ответила старшая. – То кукла-«лихоманка», разве не видно? Вы только не глядите на нее. Нельзя. Потом худо будет.

– А-ах, вон оно что! – Мужчина поспешно отвел взгляд, потому что о куклах-«лихоманках» он был наслышан. Их делали для того, чтобы вытянуть все дурное из человека – будь то телесная хворь или душевная. Даже бесов так изгоняли, в куклу «перекладывали». Многие в деревне лечились этим способом и верили, что исцелились именно благодаря правильно подобранной «лихоманке». Правда, сам мужчина к помощи «лихоманок» не прибегал, не возникло такой нужды, слава Богу, а те куклы, которых он видел у односельчан, были куда меньше этой, торчавшей среди сосен в десятке шагов от него. Самую большую «лихоманку» из тех, что он знал, называли Кумохой, ее размер вдвое превышал размер остальных «лихоманок», но и Кумоху делали обычно не больше кошки. Что за «лихоманка» находилась сейчас перед ним и зачем ее тут поставили? Вероятно, для исцеления женщины, закопанной в землю. И, похоже, «лихоманка» со своей задачей не справилась, – женщина по-прежнему не подавала признаков жизни.

Мужчина шагнул к девочкам, выжидающе смотревшим на него.

– Давайте-ка вернемся обратно к машине, надо бы полицию вызвать, и скорую, а здесь связь плохая, придется на трассу выехать. Со мной поедете, одним вам нельзя в лесу оставаться.

– А тетенька? – Старшая вскинула тонкие, выгоревшие на солнце брови, и с сочувствием посмотрела на женскую голову.

– Мы скоро вернемся, и с подмогой. А я-то ничем не помогу, у меня и аптечка в машине почти пустая. Ступайте за мной, так лучше будет. Пусть службы с этим делом разбираются. Тут, может, преступление совершено.

Девочки послушались: повернулись, и все так же держась за руки, двинулись к опушке леса, в ту сторону, где стояла машина. Да только ушли они недалеко, вдруг исчезли, будто их ветром сдуло, – ветер как раз поднялся нешуточный. Закачались деревья с надрывным скрипом, зашумели хвойные кроны, и закружила над лесом стая черных воронов. Мужчина взглянул на «лихоманку», быстро перекрестился и зашагал прочь, надеясь, что после того, как покажет это место полиции, больше в этот лес ногой не ступит.

Но ступить все же пришлось, и не единожды, потому что та женщина, что была в землю по горло закопана, умерла, правда, не в лесу, а в поселковой больнице, на следующий день после того, как ее туда доставили. Однако в сознание она не приходила и рассказать о том, кто так поступил с ней, не смогла. Что странно, кукла-«лихоманка» исчезла. Когда мужчина вернулся в лес вместе с полицией, ее там уже не было. Только и остался в том месте обломок воткнутой в землю палки. Мужчина отлично разбирался в местных растениях и по цвету коры безошибочно определил, что палка была осиновой веткой, отломленной от дерева совсем недавно.

Глава 1. Лукерья

В то утро тишину в поселке Дивноречье впервые за всю историю его существования нарушил не петушиный крик, а пронзительно звонкий деревянный перестук. Разбуженные петухи тотчас разразились недовольным хриплым кукареканьем, словно досадовали на то, что начало нового дня в этот раз провозгласили не они. Стук доносился из музейного комплекса «Старина славянская», растянувшегося между рекой и поселком на несколько сотен метров. От поселка его отгораживал высокий забор из толстых, пригнанных плотно друг к другу деревянных столбов с заостренными концами – частокол. Из-за забора виднелись крыши построек: сторожевых башен, колоколен, изб, купеческих теремов – все это составляло экспозицию комплекса. Комплекс временно не работал по причине того, что на днях туда доставили новые экспонаты – разобранные на бревна срубы найденной в поле заброшенной деревни. Рабочим отвели на сборку изб всего неделю, и, чтобы успеть в срок, они приступили к делу спозаранку, взбудоражив не только петухов, но и весь поселок. Жители едва успели продрать глаза спросонья, как молва понеслась по улицам от одного двора к другому:

– Слыхали, музейщики давеча бесхозные избы приволокли? Говорят, нашли целую деревню!

– И что, совсем пустую?

– Так и есть. Ни единой живой души, даже жилым не пахло!

– И далече ли нашли?

– Да, говорят, на другом конце леса, что начинается у нас за околицей.

– Ой, брешут! Лес тот хоженный-перехоженный!

– Вот и я думаю – брешут. А раз брешут, так неспроста ведь. Скрывают что-то. А ну, как хозяева у избышек объявятся?

– Ага-ага, а может, и еще чего похуже выплывет!

Среди ворчания и недовольства слышалось иногда короткое слово, неприятное, как шорох неизвестной природы, раздавшийся в темном углу дома после заката: «Шиша это, точно Шиша». И тут же на осмелившегося это сказать испуганно шипели: «Ш-ш-ш... тише, тише, не болтай, а то и в самом деле приманишь». «Но ведь не было у нас в округе никаких заброшенных деревень!» – с сомнением возражали те, кто касался запретной темы. «Откуда тебе знать, что не было? Раз нашли, значит была!» – обрывали возмутителей спокойствия, и мало-помалу пересуды утихали. Но это потому, что Лукерья тех разговоров не слышала. О Шише она могла бы им много чего рассказать. Но она продолжала безмятежно спать, и стук укладываемых в срубы бревен не только не мешал ей, но даже напротив, навевал прекрасный сон.

Снилось Лукерье, что жених для нее терем строит. Блестит на солнце гладкая древесина высокого сруба, вокруг суетятся мастера, простукивают бревна, подгоняя их плотнее друг к другу, а жених стоит чуть в стороне, рядом с кучей необработанных сосновых стволов, следит за работой, а заодно и стволы осматривает, отбраковывая гнилые и сучковатые. В реальности никакого жениха у Лукерьи, конечно, не было – кто ж полюбит сиротку с чужинкой? – но во сне она точно знала, что парень, который руководит строительством терема, ее суженый, и зовут его, как знаменитого русского богатыря – Илья. Да и внешне он похож на былинного героя: под взмокшей от пота рубахой проглядывает богатырская стать, в плечах – косая сажень, а волосы цвета спелой ржи льнут ко лбу и вискам крупными кольцами. Разве что бороды не хватает, но может, оно и к лучшему. Борода скрывала бы улыбку, которой он просиял при виде Лукерьи. Это сияние затмило для нее все вокруг, и даже разгорающийся рассвет. Засмотревшись на суженого, Лукерья едва не выронила из рук туюс, полный студеной колодезной воды, который принесла для него. Илья вовремя подхватил берестяной сосуд, снял крышку, прильнул губами к краю и долго пил, не сводя с нее пылкого взгляда. Глаза у него были цвета опавшей

хвои, с яркими бронзовыми крапинками, и лучились светлой колдовской силой – той силой, которая нагоняет страх даже на самых хитрых и злобных бесов. Илья слыл известным на всю округу бесогоном – избавлял человеческие души от пагубного влияния всякой нечисти, прицепившейся однажды и мучившей до тех пор, пока человек не сойдет в могилу. Илью уважали и побаивались, а Лукерья очень им гордилась. Удивительно, что он выбрал себе в жены такую «бледную немочь», как она – так шутливо называла ее тетя. А ведь на него первые красавицы засматривались! Неужто сжалились над Лукерьей высшие силы, соблаговолили отмерить и ей долю человеческого счастья после того, как она вдоволь горя хлебнула? Долго ли продлится то счастье? Проживут ли они с Ильей всю жизнь в любви и согласии и, как в сказке, умрут в один день? Что-то не верилось Лукерье в такое. Чужало ее сердце: придет час, и бесы отомстят Илье за то, что не дает им вольготно разгуляться, мешает вершить бесовские злодеяния. Да и вообще, известно ведь, что бесы счастливых людей терпеть не могут, из кожи вон лезут, чтобы жизнь таким людям испортить, потому что страдания человеческие – вот главная цель и радость для всякой нечисти.

Напившись, Илья утер ладонью губы, отдал Лукерье пустой туес, обнял ее за плечи и зашептал на ухо ласковые слова. Затрепетало от них Лукерьино сердце, и мрачные мысли тотчас рассеялись, как тучи после грозы. Илья повернулся и пошел обратно к недостроенному терему, часто оглядываясь на нее с улыбкой и... тускнея с каждым шагом. Тускнел не только Илья, но и весь мир вокруг обесцвечивался и терял четкость. Лукерья часто заморгала, надеясь, что от этого в глазах должно проясниться, но вдруг услышала скрип, похожий на тот, с каким вращается старый колодезный ворот. Повернулась на звук. Никаких колодцев поблизости не было. В той стороне стояла дюжина черных, вросших в землю избушек, а среди них на вытопанной лужайке высилась простая деревенская карусель. Лукерья каталась на такой в детстве вместе с младшей сестрой Анишкой. Анишка тогда только-только говорить научилась и смешно коверкала слова. Карусель она называла «куролесой», не зная о том, что у этого слова был совсем другой смысл. «Куролесить» означало строить козни, дурачиться, чудить. Вслед за Анишкой и Лукерья стала говорить «куролеса» вместо карусели, тем более что катание на ней без дурачества не обходилось. «Куролеса» была любимой забавой всей детворы и редко простаивала без дела. Она тянула к себе, как магнит.

Не то, что эта. Черная и страшная, похожая на виселицу из-за того, что на концах веревок вместо дощатых сидений болтались петли. На нее и смотреть-то было неприятно, не то что кататься.

Скрипело, вращаясь вокруг оси, колесо этой карусели-«виселицы», прикрепленное к верхушке высокого деревянного столба. С обода колеса свисали шесть длинных веревок с петлями, немного не достающих до земли. В одной из петель сидела, держась руками за веревку, какая-то девочка. Расстояние до карусели было немалое, но Лукерья видела, что девочка смотрит на нее. Смотрит, и криво, недобро улыбается, перебирая по земле ногами. Медленно и натужно крутилось колесо карусели – видно, что тяжело было такой малышке вращать его одной. Карусель ведь рассчитана на шестерых. В одиночку и даже вдвоем ее как следует не раскрутить, так, чтобы полететь над землей, – Лукерья хорошо это знала, когда пыталась прокатиться на карусели вдвоем с сестрой. Чтобы хорошо покататься, требовалась компания. Анишке было семь, когда Лукерья видела ее в последний раз, примерно столько же, сколько и девочке, которая сверлила сейчас Лукерью недобрым взглядом.

Колесо карусели вращалось все быстрее, и вместе с этим скрип усиливался, а мир продолжал тускнеть и растворяться прямо на глазах, будто был соткан из тумана и таял под лучами рассветного солнца. Лукерья спохватилась, хотела бежать к Илье, испугавшись, что никогда его больше не увидит, но опоздала: взгляд пронзил пустоту в том месте, где стоял строящийся терем, Илья исчез вместе со всеми мастерами, исчезла и гора пиленого леса – даже щепок на траве не осталось.

Ужас охватил Лукерью, такой же сильный, как в детстве, когда она поняла, что потеряла всю свою семью – бабушку, дедушку, мать, отца и Анишку. Горестный крик уже рвался из ее груди наружу, но застрял в горле, когда девочка на карусели вдруг захрипела старческим голосом:

*– Тише, детки, тише,
Рядом бродит Шиша,
Зверем хищным рыщет
И поживу ищет.
Ну а ежели найдет,
Без разбору приберет
Старых, малых, молодых,
Сильных, слабых и больных.
И ни грешных, ни святых
Не останется в живых!*

Девочка говорила голосом Лукерьиной бабушки. И эта страшная прибаутка была тоже бабушкина! Откуда она ее знает?.. Лукерья вгляделась в лицо девочки и увидела, что оно сплошь изрезано глубокими морщинами – лицо тоже было бабушкино!

Лукерья завизжала от ужаса, заглушая скрип карусели, и... проснулась. Солнечный свет, льющийся в окно, принес мгновенное успокоение. С улицы доносился далекий, но очень звонкий деревянный перестук, точно такой же, какой Лукерья слышала в своем сне. Она вздохнула, сожалея о том, что жениха и терема наяву ей, скорее всего, никогда не видать, и, откинув одеяло, села на кровати.

В доме было тихо. Наверное, тетя Клава уже ушла в музейный комплекс. Она работала там ткачихой на старинном ручном ткацком стане, причем ее работа заключалась не только в изготовлении полотна, но и в том, чтобы на процесс ткачества могли посмотреть посетители. То есть, тетя в каком-то смысле сама была частью музейной экспозиции. Еще она подрабатывала горничной в купеческом доме-музее, который сдавался постояльцам, и дважды в неделю по вечерам ходила туда делать уборку. Иногда она брала с собой Лукерью, хотя и ворчала потом каждый раз: «Помощи от тебя, как от козла молока. Неумеха, кто ж тебя замуж-то возьмет? Свалилась на мою шею». Лукерья в ответ лишь молча вздыхала: приходилось терпеть, ведь идти ей все равно было некуда. Родной дом в селе Приютово сгорел в пожаре, и все, что у Лукерьи осталось от родителей, это пенсия с нелепой формулировкой «по потере кормильца», которую она полностью отдавала тете. Получив деньги, тетя ненадолго добрела, иногда даже на целый день, а потом у нее вновь становился недовольный и усталый вид. Она часто вздыхала и сетовала на то, что через год Лукерья закончит школу, и пенсию платить перестанут. «Уже перестали бы, – как-то призналась она, – но хорошо, что я упростила на второй год тебя оставить, чтобы ты хоть немного ума набралась». Лукерья на это лишь виновато кивнула. Училась она, и правда, хуже некуда, хотя, по словам учителей, способности у нее были неплохие, а вот с концентрацией внимания дело обстояло худо, Лукерья все время уходила в свои мысли и возвращалась назад только от гневного окрика вроде «хватит считать ворон» или «вернись уже с небес на землю». Но, наверное, учителя жалели ее, зная о том, что она круглая сирота и пережила большое горе, поэтому ставили тройки чаще, чем двойки, и Лукерья вполне могла бы стать выпускницей, а что делать потом, она понятия не имела и была благодарна тете за еще один год безмятежной жизни, когда можно было не думать о будущем. Лукерья готова была думать о чем угодно, но только не о дальнейшей учебе или скучной работе. Она бы с радостью вышла замуж сразу после школы, если бы встретила такого парня, как Илья, приснившийся ей этой ночью. Да только кому такая нужна, круглая сирота, которая не хочет ни учиться, ни работать, и при этом не имеет модельной внешности? Хотя... Лукерья поднялась с кровати и подошла к большому овальному зеркалу, висевшему рядом со шкафом. Ну да,

не фотомодель, но и не уродина: глаза большие, хотя жаль, что не голубые, а серые; фигура стройная, тетя Клава называет ее «тонкая и звонкая», из ее уст это звучит как комплимент; волосы... ну, ничего так волосы, даже немного завиваются на концах, хотя цвет мышиный, но это после зимы, а к середине лета выгорят, и будет она яркой блондинкой, так что... «Все неплохо у меня с внешностью», – решила Лукерья и вдруг спохватилась: тетя Клава ей кучу заданий надавала, а она стоит тут, перед зеркалом крутится! Ведь сделать все надо до полудня, потому что потом еще обед тете в музейный комплекс нести, а уходить оттуда до закрытия Лукерье не хотелось, уж очень много там было всего интересного, и особенно ее манил новый объект – найденная деревня. Сегодня, судя по стуку, доносившемуся с той стороны, избы уже начали собирать. Конечно, наверняка посторонних туда не пускают, но, может, удастся хоть одним глазком взглянуть?

Умывшись и позавтракав молоком с хлопьями, Лукерья вышла в огород. Первым делом лучше заняться прополкой, пока небо ясное, а то ведь дождь обещали. Еще только конец мая, а травыросло, как в лесу, где ее отродясь никто не полол. Самое противное – это пропалывать укроп. Его еще почти не видно, а сорняк дыбом стоит на грядке. И вот сиди, присматривайся! И попробуй хоть один кустик укропа случайно выдрать! Уже было прошлым летом, когда тетя Клава заметила в укропном ряду проплешины и такое устроила! Лукерья урок усвоила и собиралась подойти к прополке укропа со всей ответственностью, поэтому начала именно с него.

Укропная грядка растянулась вдоль ветхого заборчика из трухлявых серых досок, разъехавшихся в разные стороны. Сквозь многочисленные прорехи просматривался ухоженный соседский огород – аккуратные, словно вычерченные по линейке и начисто прополотые грядки с еще совсем крошечными зелеными всходами. Там по-хозяйски разгуливал, оставляя глубокие вмятины в рыхлой земле, толстый темно-рыжий кот по кличке Муравей. Несмотря на уверенную поступь, он все же озирался время от времени – видимо, понимал, что находится на чужой территории. Наверное, здесь ему нравилось больше, чем в родном дворе, заросшем бурьяном и захламленном всякой всячиной. Его хозяин, которого все называли дедом Гришей, складировал у себя за домом различную бытовую технику, которую выбрасывали на свалку жители поселка. В свое время он был хорошим мастером, мог починить что угодно, от утюгов до холодильников, но с появлением более сложных моделей, напичканных электроникой, оказался не у дел. Однако мастер не смог смириться с тем, что еще исправные, но морально устаревшие бытовые приборы, большинство из которых прошло через его руки, валялись на свалке. Поэтому дед Гриша все это волок к себе во двор. Когда места в двух сараях не осталось, он сколотил навес и начал складывать технику там. Постепенно под навесом выросла огромная куча. Однажды навес снесло шквальным ветром, куча развалилась, и двор оказался погребен под ржавыми руинами. Хозяйка образцовых грядок, энергичная пенсионерка Нина Александровна, которую все звали Нинсанной, обзывала деда Гришу барахольщиком и часто пеняла ему на «вселенский хаос», портивший ей «всю гармонию». Иногда она гневно требовала от нерадивого соседа навести порядок в своем дворе или хотя бы поправить забор, чтобы «прикрыть с глаз весь этот срам». Дело в том, что забор, разделявший дворы ярой огородницы и «барахольщика», был еще хуже, чем тот, сквозь который сейчас Лукерья наблюдала за Муравьем. Кот, тем временем, уже облюбовал себе грядку для своих кошачьих дел и усердно рыл яму. Комья земли летели из-под него черным фонтаном с вкраплениями нежно-зеленых ростков.

– Ах ты ж паршивая морда! – разъяренный голос Нинсанны пронзил умиротворенную утреннюю тишину так внезапно, что Лукерья вздрогнула. А потом втянула голову в плечи, предчувствуя бурю, и, не на шутку испугавшись за Муравья, придвинулась поближе к забору, чтобы увидеть, удастся ли коту спастись. Кот вытаращил медные глазищи, но остался на месте, сгорбившись над вырытой ямкой в недвусмысленной позе – наверное, надеялся, что успеет справить нужду, потому что Нинсанна еще только спустилась с крыльца и едва ковыляла, хотя

и явно торопилась. Но Муравей недооценил масштаб опасности: в руках Нинсанна держала кастрюлю, от которой валил пар. Сняв крышку, она выплеснула содержимое, целясь в Муравья. Горячие брызги, к счастью, совсем крошечные, долетели до Лукерьи и обожгли плечо сквозь ткань домашнего платья. Кот взвыл и порскнул в сторону забора, но не попал в брешь, а врезался в него на всем ходу. Истерично завопив, кот упал, задрывал всеми лапами, перевернулся и сиганул через забор, яростно мотая мокрым хвостом. Лукерья заметила, что в целом шерсть Муравья осталась сухой, и немного успокоилась. Все же ошпаренный хвост – это не так страшно, по крайней мере, не смертельно.

Гневная тирада Нинсанна продолжала набирать обороты. Посокрушавшись над разоренной и оскверненной грядкой, соседка направилась через весь огород к противоположному забору, за которым находился двор и дом деда Гриши, по самые окна скрытый железно-пластиковым хламом. Лукерья облегченно выдохнула, радуясь, что Нинсанна не заметила ее, скорчившуюся у подножия забора, иначе и ей бы досталось за компанию. Но вот деду Грише можно было только посочувствовать. Подобравшись к дому «барахольщика» как можно ближе, Нинсанна заколотила кастрюлей о какую-то железяку, торчавшую над забором с обратной стороны, и закричала:

– Эй, сосед! Выходи! Разговор есть!

Дед Гриша вынырнул откуда-то из глубины ржавых руин, прижимая к себе насмерть перепуганного Муравья.

– Ты что творишь, живодерка? – воскликнул он вместо приветствия и воинственно потряс зажатой в руке облезлой кожаной кепкой. – Разве можно в животное кипятком плескать?!

– Ой, посмотрите-ка, он еще меня и виноватит! Следить надо за своим животным! До каких пор твое животное будет на мои грядки гадить?! Всю редиску перекопал, пересаживать придется! Так толку пересаживать, если твой кот туда гадить повадился?!

– На то он и кот, гуляет, где в голову взбредет! – огрызнулся дед Гриша, почесывая Муравья за ухом. – Забор поправь, чтоб коты не шастали, и будет цела твоя редиска.

– Ах, я еще и заборы должна чинить из-за твоего кошака поганого! Да пришибу его, и дело с концом!

– Не вздумай даже! – Лицо у деда Гриши так вытянулось, что, казалось, на нем даже часть морщин разгладилась. – Постыдилась бы ты, неблагодарная! Я ведь по осени колодец тебе чистил!

– Ой, вспомнил, надо ж! Колодец он чистил! А сколько денег с меня за это содрал, забыл?

– Ну, так, каждый труд должен быть оплачен! – Дед Гриша крикнул, приосанился и гордо вскинул голову, выставив вперед короткую засаленную бородавку. – И не так уж и дорого я с тебя взял, ежели разобаться. А коли считаешь, что дорого, так в другой раз сама в колодец полезай, сэкономишь. – Он довольно захихикал, отчего лицо его сморщилось так, что стало похоже на тряпичный комок.

– А ты не умничай! Сама разберусь, на чем мне экономить! – Реплика Нинсанна прозвучала почти миролюбиво.

Лукерья улыбнулась и склонилась над грядкой с укропом. Судя по интонациям спорщиков, буря пошла на спад, и деду Грише больше ничего не угрожало, а Муравей давно уже вырвался у него из рук и забрался на крышу хозяйского дома. Теперь он свысока смотрел на свою обидчицу, сверкая медными глазами. По его вызывающему взгляду можно было догадаться, что инцидент с разорением грядки повторится еще не раз, и сегодняшний конфликт не последний. Это тревожило Лукерью. Она хорошо помнила, как в ее родном Приютово все начиналось с таких же безобидных переругиваний между соседями. Постепенно в эти распри втягивалось все больше жителей, и вскоре все село захлестнула лютая вражда, которая преобразила односельчан до такой степени, что в какой-то момент Лукерья стала с трудом их узна-

вать. В их облике не осталось ничего человеческого, лица перекосило от злобы, а глаза полыхали бесовским огнем. И потом... нет, слишком страшно об этом вспоминать!

Лукерья надеялась, что здесь такого не случится. Все-таки, хоть Нинсанна и взъерилась на кота, однако ее взгляд при этом не утратил ясности. Едва ли она действительно пыталась обварить Муравья кипятком, скорее, просто пугала, чтобы отвадить. Да и с дедом Гришей Нинсанне враждовать было невыгодно: как никак, он колодец ей почистил, хоть и не бесплатно, и, может быть, через некоторое время снова чистка понадобится. Лукерье очень хотелось верить в то, что в своих повседневных склоках Нинсанна и дед Гриша не переступят ту черту, после которой нет возврата. По крайней мере, пока чутье ей подсказывало, что до этой черты еще очень далеко. К тому же, трагедия в Приютово случилась не просто так, а из-за Шиши, только никто из жителей не верил в это до последнего. Все считали байку о Шише выдумкой и не придали значения, когда однажды неподалеку от села, словно грибы после дождя, выросли бревенчатые избы. Толку-то, что дед Ерофей предупреждал всех об опасности, говорил, чтобы не впускали в дом незнакомцев, чтобы ничего им не давали и не обещали, а главное – чтобы в глаза им не смотрели. Но никто деда не слушал. Вот ведь... и сами сгинули, и дед из-за них в могилу слег.

Лукерья энергичнее заработала руками, вырывая из грядки сорняки. Надо бы поскорее закончить с этим делом, чтобы отправиться в комплекс и посмотреть на избы, которые недавно туда привезли. Необязательно, что это те самые, которые появились тогда рядом с Приютово. Да, точно не они, ведь говорят, что их нашли пустыми, без жильцов, но мало ли... лучше своими глазами взглянуть.

Спустя пару часов Лукерья добралась до музейного комплекса. Сжимая в руках корзину с обедом для тети и других ткачих, она прошла через дверь в воротах. Дежуривший на входе охранник давно ее знал и не остановил. Лукерья направилась к мастерским, находившимся в противоположном конце комплекса, но остановилась на полпути, увидев маскировочную сетку, из-за которой доносился тот самый деревянный перестук, навевший ей сегодняшней предутренний сон. Но едва Лукерья протянула руку, чтобы заглянуть за сетку, как та приподнялась, и из-под нее вынырнул зеленоглазый парень из того самого сна.

– Илья?! – вскрикнула она, едва не выронив корзинку, и тут же опомнилась – ну какой Илья, что за глупости, это же во сне было!

Парень заметно напрягся, словно шпион, которого рассекретили. Спросил удивленно:

– Откуда ты знаешь мое имя? Мы знакомы?..

Глава 2. Илья

Он сразу ее узнал, хотя она и была похожа на сотни других, которые он перевидал за последние три года, сбившись с ног в бесплодных поисках. Удивительно, что нашел он ее после того, как окончательно потерял надежду на это, и даже ехать никуда не пришлось, – ее снимок попался ему на глаза в одной из статей в новостной колонке Яндекса. Она выглядела в точности так же, как и прошлой весной – один-в-один, он был в этом уверен, в его память намертво врезались мельчайшие детали ее облика. Он помнил каждый штрих, вплоть до самой крошечной трещинки. Страшное потрясение, испытанное им тогда, не давало ему забыть ее.

Она – это Шиша, крошечная черная деревушка, каких в российской глубинке видимо-невидимо, но эту он не мог перепутать ни с какой другой, несмотря даже на то, что теперь она находилась за сотни километров от своего прежнего места. Место совсем ничего не значило, ведь эта деревня блуждала по свету – иначе и быть не могло, он собрал о ней достаточно информации, чтобы сделать подобные выводы. Она появлялась то тут, то там, все время ускользая от него, как преступник, почуявший слежку, но оставляла следы, еще горячие, смердящие и жуткие.

Места, где побывала Шиша, пахли горем, а воздух там словно звенел от только что стихших криков, полных боли, злобы и страдания. Эта зловещая деревенька обычно прибывалась к провинциальным городкам и зажиточным селам. Она присасывалась к ним, как клещ, вытягивала все жизненные соки, а затем бесследно исчезала, и никто из оставшихся в живых не видел момента ее исчезновения – как, впрочем, и появления тоже. Предполагали, что жители деревеньки разбирали свои избы по бревнышку и перевозили на новое место, но ни одного очевидца, заставшего процесс переезда, не нашлось. Была деревенька, и не стало ее. Еще с вечера стояла в поле за окраиной, а утром исчезла, словно растворилась вместе с предраассветным туманом. Ни ударов молотка, ни людского гомона, ни шума машин или скрипа телег, – разве может бесшумно исчезнуть целая деревня? Обычным способом – точно нет.

Илья был уверен, что Шиша связана с нечистой силой. Да и Роман Марьянов это подтвердил, а он в таких вещах отлично разбирался.

Илья сам находился в Шише в ту ночь, когда она исчезла, и не слышал ни звука, ни шороха. Выбравшись из стога сена, наваленного возле конюшни, он не обнаружил ни конюшни, ни домов, ни даже примитивной карусели – вкопанного в землю столба с колесом от телеги наверху, с которого свешивалась дюжина толстых веревок. Концы веревок оканчивались петлями, в них можно было сесть и, оттолкнувшись от земли ногами, кружиться вокруг столба. Наташка, как увидела эту забаву, сразу бросилась к ней и повисла на веревке. Поджав ноги, поплыла над землей, заливисто хохоча, но веселье длилось лишь пару мгновений: один из жителей, сурового вида бородатый мужик, грозным окриком отогнал ее. На удивленный Наташкин взгляд пояснил неохотно:

– Убьешься еще. Старые веревки-то. Да и колесо трухлявое, обод, того и гляди, сломается.

Но Илья догадался, что дело было не в этом. Он заметил на столбе какие-то знаки, похожие на ритуальные символы. Странно выглядела эта конструкция – вроде детская забава, а от ее вида мороз продрал по коже, и в голову полезли жуткие мысли, в основном почему-то о казнях и виселицах.

Илья в тот момент даже немного испугался, увидев массу людей самого недружелюбного вида, двинувшуюся к ним со всех сторон, едва Наташка прикоснулась к карусели. Впереди всех бежал мордатый мужик с рыжей лопатообразной бородой. С таким видом, как у него, обычно бегут кого-нибудь убивать. Но, как только Наташка отпустила веревку и отошла от столба, он сразу заулыбался и пригласил их в дом.

И зачем только они с Наташкой согласились? Уж лучше заночевали бы в поле. Эх, кто ж знал! А тогда Илья и не догадывался, что с деревней, на которую они случайно набрели, что-то не так. На онлайн-картах она не значилась, они шли к большому селу под названием Приютово, надеясь найти там трактор, чтобы вытащить застрявший в грязи автомобиль, но им пришлось остаться в Шише на ночлег, потому что к тому времени уже начало смеркаться. И там они с Наташкой поссорились. Да так, что он выскочил из дома в ночную мглу и блуждал среди домов, пытаясь унять бушевавшее в душе пламя, пока не наткнулся на развороченный стог сена, где и забылся тревожным сном.

А утром деревня исчезла – вместе с Наташкой!

Илья корил себя за беспечность, но до случившегося он не верил в существование нечисти. Это уж потом Марьянов раскрыл ему глаза на то, как устроен этот мир – жаль, что слишком поздно: Наташку уже было не спасти. Теперь только и остается тешить себя мечтами о мести. Но Илья верил, что мечты имеют свойство сбываться. Настанет день, и Шиша заплачется за все свои злодеяния!

Компьютерная мышь жалобно скрипнула в непроизвольно сжавшемся кулаке. Илья удивленно посмотрел на свою руку и разжал пальцы. Он так глубоко погрузился в размышления, что даже забыл, где находится. В последнее время с ним такое часто случалось, Шиша не выходила у него из головы с той самой ночи, словно их связывали незримые узы. Иногда ему казалось, что он все еще там, рядом с Наташкой, смотрит в ее озорные васильковые глаза, вдыхает горьковатый запах луговых трав, впитавшийся в ее волосы за то время, пока они бродили по лесам и полям... Он тщательно берег в памяти эти последние моменты, опасаясь, что они поблекнут или вовсе сотрутся со временем. Наверное, поэтому лицо любимой возникало перед глазами так живо, будто они расстались не три года назад, а только вчера.

Лишь последние полчаса перед расставанием ему не хотелось вспоминать, – те полчаса, когда между ними разгорелась ссора. Да нет, пожалуй, это был настоящий скандал. Он и не предполагал, что Наташка может быть такой вульгарной и агрессивной. Правда, он подозревал, что это была уже не она. Оторопел, когда ее глазами на него глянуло неизвестное злобное существо, каким-то образом очутившееся в Наташкином теле. Перемена в облике Наташки была столь разительна, что ошибиться было просто невозможно, она преобразилась, как герои фильмов ужасов, когда в них вселяется потусторонняя сущность: на лице возникло хищное выражение, движения стали резкими и быстрыми, голос огрубел и звучал так, будто доносился со дна колодца, причем ни слова было не разобрать. Сам момент так называемого вселения ускользнул от внимания Ильи, он не мог сказать с точностью, когда именно это произошло. Вроде бы, вот только что Наташка была родной и понятной, и вдруг будто сгинула, оставив свое тело, занятое кем-то другим, не имеющим никакого отношения к роду человеческому. Это уж потом, в беседе с Марьяновым он вспомнил о крупном вороне, который сидел на лавке в углу горницы, в избе рыжебородого мужика. Тот угол хозяева называли «красным», он считался самым почетным и будто бы даже священным местом. Причем, Илья не вспомнил бы о вороне, если бы Марьянов прямо не спросил: «А не заметил ли ты в доме какого-нибудь животного или птицы?» Узнав о вороне, Марьянов сказал, что бесы часто используют этих птиц в качестве временного убежища, пока не выберут, в какого человека им вселиться. После этого Илья поверил, что Марьянов действительно обладает незаурядными экстрасенсорными способностями, а до этого он его, можно сказать, всерьез и не воспринимал. Так, выбрал наугад из множества «колдунов» и «шаманов», предлагающих свои услуги в соцсетях, ни на что особенно не надеясь.

Однако похоже на то, что случайный выбор оказался удачным, а такое редко бывает. У Ильи даже возникли мысли о вмешательстве высших сил, которые намеренно направили его к сведущему человеку, чтобы с его помощью изгнать нечисть, блуждающую по свету. Правда, сговорились они с Марьяновым не сразу. Цены на услуги «мага» оказались несусветными: за

осмотр местности, где находилась исчезнувшая деревня, Марьянов запросил сумму, превышающую доход Ильи за последние полгода. Хотя Илья неплохо зарабатывал на архитектурных проектах в одной крупной строительной фирме, таких денег у него не водилось, потому что после выплаты ипотеки и кредита за новый «рено каптур» оставалась лишь скромная сумма, которой хватало ровно до следующей зарплаты. На вольных хлебах Илья мог бы получать и побольше, но там не было стабильности, а он собрался обзавестись семьей, и ему срочно понадобились приличные квартира и машина. Не мог же он привести жену в свою холостяцкую берлогу! Да и старенькой праворульной тойоте давно пора было найти достойную замену. В тот злополучный день, когда сверкающий лаком и хромом «каптур» подло забуксовал в грязи (даром, что полноприводный), Илья как раз собирался сделать предложение Наташе. Но кольцо так и осталось у него – дорогое, с крупным бриллиантом, выполненное в виде четырехлистного клевера, известного талисмана, приносящего удачу своему владельцу. Илья всегда носил с собой коробочку с кольцом, даже после утверждения Марьянова, что Наташе оно уже не пригодится. Кстати, ни коробочки, ни кольца Марьянов не видел, и Илья о нем не упоминал, сказал лишь, что во время злополучной загородной поездки собирался сделать своей девушке предложение. И когда заявил, что не сможет оплатить выезд Марьянова на место происшествия, тот сразил его наповал, подсказав, как раздобыть деньги. Выпалил, что называется, прямо в лоб:

– Колечко-то обручальное сдай обратно в магазин.

– Зачем это? Найдется моя невеста и сама его носить будет, – возразил ему Илья, а тот в ответ рубанул:

– Даже если и найдется, вряд ли ты ее невестой назовешь.

«А ведь правда», – подумал Илья, вспомнив Наташкины глаза, какими видел их в последний раз. Но все же спросил, хотя и без особой надежды:

– Изгоняют ведь из людей бесов?

Марьянов усмехнулся, скривив губы в кислой улыбочке:

– Бес – тварь хитрая, если почует силу, способную его изгнать, вмиг притворится, будто нет его. Он долго притворяться может, но с благостным видом будет козни свои мерзкие строить. Зачем тебе жена – бесовка? Измучает ведь, всю жизнь из тебя вытянет и сгубит.

– Все равно не верну кольцо, – уперся Илья, машинально сжимая в кармане куртки бархатную коробочку. – Вначале надо найти Наталью, а потом уж выводы делать. Может, нет в ней никакого беса.

Марьянов сокрушенно потряс патлатой головой и развел руками:

– Ну тогда приходи в другой раз, как деньгами разживешься. А пока что ничем помочь не могу.

– Что ж, справедливо, – согласился Илья, борясь с желанием схватить меркантильного «мага» за ворот его атласной черной мантии, похожей на плащ бэтмена от детского карнавального костюма, да выволочь из затхлой, пропахшей ладаном и восточными благовониями, каморки, которую тот гордо именовал кабинетом, а затем засунуть в машину, увезти туда, где пропала Наташка, и силой заставить его заняться ее поисками.

Но, конечно, ничего такого он не сделал, а спокойно попрощался с Марьяновым и ушел. До входных дверей его проводил огромный черный пес с пугающе красными глазами, который словно материализовался из сумрака, сгустившегося в дальнем углу. Илья даже вздрогнул, увидев животное, и заподозрил, что для создания демонического образа ему могли вставить какие-нибудь специальные собачьи линзы. «Вот же изверг», – подумал он, подразумевая Марьянова. Пес ощерился и тихо, но грозно зарычал, словно прочитал мысли Ильи и возмутился оскорблением, адресованным его хозяину.

Илья выскочил за дверь и торопливо взбежал вверх по лестнице, спеша покинуть темное душное подвальное помещение, в котором размещалась «магическая» резиденция Марьянова. Он был уверен, что никогда сюда не вернется, потому что не представлял себе, где раздобыть

затребованную Марьяновым сумму, и собирался отправиться на поиски Натальи в одиночку, но не успели двери подъезда захлопнуться за его спиной, как телефон, лежащий в кармане куртки, издал булькающий звук. Вынув его, Илья увидел на экране сообщение от Марьянова:

«Есть предложение. Могу оказать услугу, если согласишься отработать у меня один месяц подмастерьем. Сразу не отвечай, подумай. Завтра в 10 утра сообщи, что решил. Важные решения лучше принимать с утра».

По всей видимости «маг» сжалился над ним. Или же разглядел в нем какие-то способности и счел, что Илья может принести ему пользу в колдовских делах. Так или иначе, а думать тут было не о чем, ясно, что надо соглашаться. Хотелось тут же ответить, но Илья сдержался и сделал, как велел «маг», отправил сообщение о своем согласии ровно в десять утра следующего дня. Ближе к обеду они с Марьяновым уже находились за две сотни километров от города и утапывали землю в том месте, где был вкопан столб веревочной карусели.

В тот же день нашла и Наташка.

Марьянов пустил на поиски своего демонического пса, и тот привел их в ближайший поселок Приютово, тот самый, который Илья вместе с Натальей пытались отыскать, когда набрали на Шишу. Проследовав по главной улице, пес остановился возле крыльца какого-то здания и несколько раз отрывисто гавкнул. Здание оказалось районной больницей. Первый попавшийся врач, к которому обратился Илья и показал ему фото Наташи, охотно заговорил:

– Один местный житель нашел в лесу похожую девушку, закопанную в землю по самую шею. Он подумал, что девушка мертва, и вызвал полицию, а те, выехав на место, обнаружили неподалеку еще двенадцать человек, и тоже в земле, одни головы наружу торчали. Их всех привезли к нам в больницу пару дней назад. Полиция ведет расследование. Есть предположение, что в окрестностях орудует секта, которая перемещается с места на место, чтобы замести следы после подобных ритуалов.

На просьбу Ильи проводить его к девушке врач пробурчал что-то неразборчивое и повел их с Марьяновым узкими темными коридорами.

Наташка выглядела нормальной, ничего демонического в ее облике не было: лицо спокойное, с намеком на улыбку – такое впечатление создавалось из-за чуть приподнятых уголков губ; в огромных васильковых глазах притаилась загадка, светлые выющиеся волосы больше не напоминали жесткую колючую солому, к ним так и хотелось прикоснуться. Но Илья стоял истуканом, не в силах шевельнуть даже пальцем. Все силы ушли на то, чтобы удержаться на ногах и не разрыдаться от осознания, что Наташка навсегда покинула этот мир: по заключению патологоанатома, ее смерть наступила примерно десять часов назад, а причиной этому послужило сильнейшее истощение.

Всего-то десять часов назад она была еще жива!

Эта мысль пронзала мозг Ильи снова и снова, до тех пор, пока Марьянов силой не вывел его из морга.

Потом Илью вызвали в полицию. Начались бесконечно долгие и ужасно изматывающие допросы, на которых его заставляли говорить одно и то же, и Илье казалось, что следователь ждет от него признания в убийстве невесты на почве ревности. Илья пожалел, что выложил все начистоту, даже о ссоре с Наташкой рассказал, вернее, о том, как психанул, когда увидел, как она целуется с хозяином дома, пригласившим их переночевать. Целуется с неотесанным рыжебородым мужиком, которого она впервые в жизни видела! Да еще так рьяно, будто одних поцелуев ей недостаточно!

Из-за излишней откровенности Илье чуть не пришили дело, но все же, видимо, улики не хватило, а может быть, Илья разжалобил следователя своим потерянным и несчастным видом, потому что его, в конце концов, отпустили. И сразу на Илью обрушилась нерешаемая проблема: он совершенно не знал, как жить дальше. Если бы не Марьянов... «Маг» напомнил Илье об уговоре, согласно которому тот должен был месяц отработать у него «подмастерьем» –

так Марьянов называл то, о чем в народе говорят: «принеси-подай-уйди подальше, не мешай». Но это было поначалу, а потом все так стремительно закрутилось, что через месяц Илья уволился из строительной фирмы, чтобы остаться работать у Марьянова насовсем, да к тому же превратился из «подмастерья» в полноценного коллегу. То есть, выходило, что Илья тоже стал «магом»... ну, или почти стал.

Ноутбук, слишком долго остававшийся в бездействии, погрузился в сон: экран, на котором был открыт снимок деревни, залила чернота. Резкое движение мышью, и Шиша вернулась, но ненадолго: Илья открыл панель «Пуск» и кликнул на «Завершение работы». Он достаточно хорошо изучил снимок, и у него не осталось сомнений, что это та самая деревня, которую он искал все это время. А значит, пора в путь, и надо торопиться, пока она снова не исчезла.

Через полчаса Илья двинулся по шоссе на север, вдавив педаль газа в пол потрепанного с виду, но вполне надежного «крузака», на который поменял свой лощеный «каптур». Стрелка спидометра дрожала, медленно приближаясь к отметке «200». На соседнем сиденье лежал «тревожный» чемоданчик со всем необходимым: за время работы с Марьяновым Илья привык быть готовым выдвигаться в путь в любое время дня и ночи. Покидая город, он никогда не знал, как скоро вернется обратно, и вернется ли вообще. Работа у Марьянова была опасной и хорошо оплачиваемой, но Илья остался у «мага» не из-за денег. Его удерживал личный интерес.

Шиша.

Скоро они встретятся.

Синие щиты-указатели один за другим уносились назад, широкое шоссе с четкой разметкой сменила узкая дорога в колдобинах и бугристых островках асфальта, напоминавших пятна коросты. Автомобиль затрясло, но Илья не стал сбавлять скорость, хотя и рисковал улететь в кювет. Впереди показался синий щит, пара секунд – и он тоже остался позади, но Илья успел скользнуть по нему взглядом.

«Дивноречье 20км», – гласила надпись.

Волнение, нараставшее внутри все это время, резко усилилось от осознания того, что он увидит Шишу примерно через десять минут.

А потом накатила тоска: огонь, вспыхнувший в жилах и словно воспламенивший кровь, угас, оставив странное ощущение, будто все его вены и артерии забиты пеплом. Илья вновь подумал, что, уничтожив проклятую деревню, он не вернет свою любимую с того света. Утешало лишь то, что никто больше не пострадает от нечисти, населявшей Шишу. Но все же это утешение не могло избавить его от боли утраты.

Илья отогнал тяжелые думы. Впереди уже показались очертания домов, в основном одноэтажных, деревянных, окрашенных в разные цвета масляной краской, которая под воздействием дождей и солнца очень быстро становилась похожей на встопорщенную рыбу чешую и выцветала; кое-где возвышались добротные двухэтажные коттеджи из кирпича и бруса, но их было мало, и поселок с поэтичным названием Дивноречье не производил впечатление современного и зажиточного. Тем более, что некоторые двухэтажные дома выглядели выходцами из позапрошлого века: ухоженными, но очень древними. Купеческие особняки. Перед отъездом Илья успел прочитать статью из Википедии об этом поселке: в дореволюционные годы тот представлял собой торговый узел, куда доставлялись грузы из речного порта, и купеческие дома, сохранившиеся с тех пор, являлись частью музея-заповедника «Старина славянская», занимавшего центр поселка. Помимо особняков, музей наполняли и другие исторические объекты: скромные жилища крестьян с подворьями и кладовыми, гончарни, кузницы, мастерские ремесленников, старинные церкви, колокольни, сторожевые вышки – все это выглядело, как полноценное поселение, обнесенное высоким частоколом с мощными воротами, окованными толстым железом. Внутри этого поселения и разместили Шишу, найденную работниками музея в безлюдных таежно-степных краях на побережье ближайшей реки. Интересно, деревню еще готовят к приему посетителей, или восторженные туристы уже бродят от избы к избе, не

подозревая о том, что, вернувшись домой, возможно больше не будут прежними? По спине пробежала волна озноба. Хоть бы успеть до того, как все начнется.

Справа проплыла невысокая бетонная стена, знаменующая въезд в Дивноречье. В виде эмблемы на ней красовалась старинная ладья с туго надутым парусом. Силуэт ладьи почему-то напомнил Илье грустного лебедя. Под ладьей вздымались синие волны, на них белели цифры «1627», означавшие год основания поселка. Вырулив на главную улицу, Илья поспешил свернуть в первый попавшийся переулок в надежде, что так привлечет к себе меньше внимания, а заодно присмотрится к окружающей обстановке, прежде чем отправится на территорию музея. Он долго петлял по узким улочкам, заглядывая во дворы, в окна домов и в лица попадавшихся на глаза людей, но не заметил ни одной странности или какого-то намека на присутствие нечисти. Люди выглядели обычно и занимались своими обычными повседневными делами: копались в огородах, судачили о чем-то, куда-то спешили с сосредоточенным видом или прогуливались с блаженным выражением на лице.

Проколесив весь поселок вдоль и поперек и не заметив ни одного пугающего знака, Илья снова вырулил на главную улицу и через пару минут притормозил у бело-розового, как кремное пирожное, домика с вывеской, на которой крупными белыми буквами значилось: «Касса».

«Кажется, я успел вовремя», – подумал Илья и отправился за билетом в музей-заповедник.

Еще через десять минут он стоял у веревочной карусели и смотрел на столб, изрезанный знакомыми символами. Сомнений больше не осталось. Илья вынул из кармана телефон, пробежался пальцами по экрану, набирая номер Марьянова, и, дождавшись ответа, произнес:

– Приезжай в Дивноречье. Она здесь.

Пока Марьянов ехал, Илья успел арендовать комнату в одноэтажном бревенчатом доме у одинокого старика, представившегося как дед Гриша. Отсутствие женской руки бросалось в глаза: всюду царил жуткий беспорядок, а во дворе высились горы разносортного хлама, но других свободных комнат не нашлось и выбирать было не из чего. Да и потом, если бы нашелся более приличный вариант, еще неизвестно, как хозяева отнеслись бы к тому, что одним из постояльцев будет пес из породы волкодавов. А вот деду Грише было все равно.

Марьянов, конечно, пришел в ужас от такого жилища, несмотря на то, что Илья прибрался в комнате – вынес все ненужное, оставив лишь набитый хламом и потому совершенно неподъемный, словно вросший в пол шкаф, колченогий стол и две кровати. Даже пыль вытер. «Маг» ворчал, что лучше уж заночевать в машине, а утром другое жилье поискать, но потом смирился и попросил хозяина растопить баню, – за отдельную плату, разумеется.

На следующий день Илья и Марьянов временно устроились на работу в «Старину славянскую» в качестве мастеров по дереву. Марьянов в очередной раз продемонстрировал Илье свои магические способности, потому что Павел Александрович, заведующий музейным комплексом, даже не попросил их документально подтвердить наличие заявленной специальности, лишь мельком заглянул в паспорта и спросил, согласны ли они работать неофициально, по устной договоренности. Само собой, они были согласны. Ведь так даже лучше, меньше следов останется. Не хотелось бы попасть в поле зрения полиции, если начнется то же самое, что произошло в других местах. Полиция-то особо не разбирается, им лишь бы крайних найти, поэтому, чем меньше они с Марьяновым будут отсвечивать, тем лучше. Сделать бы свое дело по-быстрому да исчезнуть бесследно. Пока можно надеяться, что так все и будет, ведь никто их здесь не знает, а Павел Александрович даже копии с паспортов не снял, и едва ли он обладал фотографической памятью.

Но в тот же день, когда Илья вышел с территории, отведенной для установки изб, какая-то незнакомая девушка едва не налетела на него, а потом уставилась, как на привидение и, что самое поразительное, назвала его по имени! На вопрос, откуда его имя ей известно, она просто-напросто убежала. Какая-то ненормальная, что ли? Или... или *это* уже началось?

Глава 3. Аглая

– Ее нашли в чистом поле, в трехстах километрах от города, неподалеку от Дивноречья, крупного районного центра, известного на весь регион своей экспозицией «Старина славянская». Работники «Старины...» как раз и нашли, разъезжая по окрестным деревням и селам в поисках предметов с исторической ценностью. Они уже давно прочесали всю округу вдоль и поперек, но все равно время от времени устраивают рейды и рады, если им удастся разжиться очередной заскорузлой скалкой или задубевшими чунями. А тут – целая деревня! – Профессор усиленно морщил лоб, читая новостную статью с экрана компьютера. Пара десятков черных бревенчатых изб на фото выглядели вполне крепкими, хоть и вросли в землю по самые окна. Стекол в окнах, конечно, не осталось, но то, что бесхозные дома, которым навскидку можно было дать лет двести, а то и триста, до сих пор не растащили по бревнышку, казалось до того нереальным, что даже пугало.

– Странно, и как они ее раньше не заметили? – Аглае не верилось в подобное чудо.

– Вот именно, как? Это просто невероятно! Дивноречье совсем рядом, в паре километров – шоссе, грибники бродят, охотники... Не может быть, чтобы она там два века простояла! Однако ж видно, что дома основательно просели.

– И как же это объяснить? – Аглая еще больше вытянула шею, заглядывая через профессорское плечо.

– Если бы я знал! Разве что они были все это время невидимыми... Но, к сожалению, такое объяснение совершенно не вяжется с физическими законами.

– Может быть, дома только выглядят вросшими, а на самом деле они там недавно появились? Просто низенькие такие.

– Каким же образом они могли там появиться? – Профессор обернулся и с недоумением посмотрел на свою студентку, словно та сморозила невероятную глупость.

– Обычным. Привез кто-то и зачем-то в поле выставил. Ну, мало ли странных людей на свете.

– Так ведь там уж все вокруг осмотрели – никаких следов нет, даже трава нигде не прижата.

– А-а-а... – Аглая озадаченно потерла висок.

– В общем, дело такое. Администрация «Старины...» обратилась к нам с просьбой пригласить парочку студентов, желающих поработать летом у них в экспозиции в качестве гидов. Ну, и я сразу о тебе подумал. Ты – лучшая на своем курсе, к тому же девушка любознательная и активная... Поедешь?

Видимо, заметив, что студентка собирается отказаться, профессор поспешно выпалил:

– И оплата будет! Не очень высокая, но... А еще проживание в гостинице, расположенной в купеческом доме восемнадцатого века.

При упоминании о купеческом доме глаза Аглаи сразу загорелись:

– Ух, ты! Серьезно? Купеческий дом куда интереснее избушек, чего я в них не видела!

Она энергично кивнула и взяла из рук профессора только что распечатанный на принтере, еще горячий лист с приглашением от «Старины славянской», где были указаны адреса и телефоны администрации.

– Ну, а напарницу выбери себе сама. Только сообщи мне потом ее фамилию, я подготовлю сопроводительные документы. Есть у тебя кто-нибудь на примете?

– Предложу-ка Дине, думаю, она не откажется. – Аглая извлекла из сумочки телефон и набрала номер своей сокурсницы. Как и ожидалось, Дина восприняла предложение очень жизнерадостно, даже чересчур, словно речь шла о поездке к морю, а не в поселок на севере области. Она вообще была восторженной натурой, во всем ухитрялась найти плюсы и заря-

жала своим оптимизмом окружающих. Хотя на ее месте Аглая не выходила бы из депрессии, ведь по ее мнению, с такими внешними данными, как у Дины, жизнь просто не могла доставлять удовольствие. Аглая вечно переживала из-за собственных недостатков: волосы слишком тонкие и ломкие, рост не дотягивает до «модельного» минимума в метр семьдесят (правда, совсем чуть-чуть, но все равно ведь брак), фигура тоже не идеальная, никак не удавалось довести ее до стандарта 90-60-90, и пусть превышение составляло лишь пару сантиметров по всем значениям, но эти сантиметры упрямо не желали уходить; еще бесили веснушки, правда не очень яркие, но лучше бы их вовсе не было; и ноги тоже могли бы быть подлиннее... да что там, всего не перечислить! Но если бы Аглае досталась фигура Дины, она, наверное, еще в юном возрасте умерла бы от горя. Однако Дина, казалось, ничуть не комплексовала из-за своего грубого голоса, широченных бедер и толстых ног, похожих на бревнышки. Ее огромные и ясные голубые глаза с длинными ресницами восхищенно смотрели на мир – ну, хоть с глазами девчонке повезло. Да и волосам ее можно было позавидовать – густым, выющим, с едва заметным рыжеватым отливом. Но и все на этом.

Аглая от души сочувствовала сокурснице, но та, похоже, в ее сочувствии не нуждалась. Она словно не замечала своей некрасивости, а может, не подавала виду, но тогда ей надо было учиться на актрису, а не на педагога. Скорее всего, Дина не догадывалась, что у нее проблемы с внешностью. И, что удивительно, у нее даже имелся тайный воздыхатель, о котором она, вероятно, также не подозревала. Зато Аглая знала об этом наверняка.

Пару месяцев назад или чуть больше (кажется, была еще зима... точно, зима, и мороз под тридцать заворачивал, потому-то Дина и простудилась), в общем, когда подруга не пришла на занятия, к Аглае подошел студент старшего курса, Стас Мельников, и явно смущаясь, поинтересовался, не найдется ли у нее минутка для разговора. Аглая растерялась от неожиданности, ведь, хотя этот парень часто мелькал в компании ее однокурсников, но заговорил он с ней впервые. Заметив ее замешательство, Стас поспешно добавил, что не отнимет у нее лишнего времени, если она позволит подвезти ее до дома, и они поговорят по дороге. Аглая кокетливо улыбнулась, решив, что Стас к ней подкатывает и первым делом хочет продемонстрировать свой автомобиль. Раньше она к нему особо не присматривалась, но тут, с близкого расстояния, вдруг увидела, что он довольно привлекателен: высокий, черноволосый, атлетически сложенный, с умным взглядом и спокойным добрым лицом, в котором угадывалось что-то знакомое, – возможно, Стас напомнил ей какого-то популярного голливудского актера. Аглая представила себе, как бы она и Стас смотрелись вместе, и образ, возникший в ее воображении, вдохновил ее на решительные действия. Нет, она не согласилась сразу же сесть в его машину, наоборот, попыталась показаться недосыгаемой, зная, что неприступные женщины притягивают к себе смелых мужчин. Если Стас из таких, то его не остановит ее отстраненность. Поразмыслив, Аглая предложила ему поговорить в вестибюле или на улице, но, к ее тайному ликованию, Стас возразил, что в вестибюле шумно, а на улице холодно, и лучше все-таки пообщаться в машине, ну, а раз так, то ему будет совсем не трудно довести Аглаю до дома, ведь какой смысл стоять на месте? «Вот теперь можно и согласиться», – подумала Аглая, царственно склоняя голову и с большим трудом скрывая волнение. Ей очень льстило внимание старшекурсника. Но, как выяснилось, Стаса интересовала не она, а Дина! Толстушка Дина с коровьими глазами, пороссячими ножками и голосом простуженной старушки! Как такое возможно?! Этот возмущенный возглас едва не сорвался с ее языка, когда Стас попросил ее аккуратно вывести у Дины, какого та о нем мнения и как отнесется к тому, если он пригласит ее поужинать в ресторане. Аглая сдержанно кивнула и отвернулась к окну, будто заметила там что-то интересное, а на самом деле прятала глаза, полные недоумения. А потом ей стало обидно, и она, повинаясь внезапно возникшему мстительному порыву – будто черт за язык дернул – соврала:

– Я, конечно, спрошу, но... ей давно уже нравится другой парень.

– Кто? – упавшим голосом спросил Стас.

- Не могу сказать, уж извини. Я не выдаю чужих секретов.
- Понятно. Тогда пусть наш разговор тоже останется в секрете. Не говори ничего Дине.
- Можешь не волноваться.

До места они доехали в молчании, там сухо распрощались и с тех пор больше не разговаривали. Аглая даже забыла об этом случае, а теперь вот, обсуждая с Диной поездку в Дивноречье, почему-то вспомнила и почувствовала угрызения совести. Вот зачем соврала Стасу? Между ним и Диной мог бы закрутиться роман. Но Аглая тут же оправдала себя: да какой роман, они же вообще не пара! Вряд ли Стас испытывал к Дине что-то серьезное. Удивительно, что он обратил внимание на такую неказистую девушку. Ну, вот чем она его привлекла? Вероятно, он недостаточно хорошо ее разглядел, а разглядев как следует, вскоре бросил бы. В таком случае Аглая не навредила подруге, а уберегла ее от лишних страданий. Хорошие подруги так и поступают. Но даже если она ошибается, то не так уж и виновата: Стас мог бы и сам сказать Дине о своих чувствах, а не искать окольные пути. Струсил? Ну, и зачем Дине трусливый парень? Вот, как ни крути, а получается, что Аглая сделала для подруги доброе дело.

Спустя неделю, когда май уже отцвечал, Аглая и Дина высадились из рейсового автобуса на центральной площади Дивноречья. Дорога заняла целый день, и солнце клонилось к горизонту, разливая над поселком алое зарево. Казалось, все пространство приобрело красноватый марсианский оттенок, от которого на душе сразу стало тревожно и неудобно. Прохладный ветер подхватил с земли горсть мелкого сора и швырнул в девушек.

- Гостеприимно, ничего не скажешь! – проворчала Аглая, стирая салфеткой пыль с лица.
- А тут красиво, – протянула Дина, с восхищением таращась куда-то вдаль. Похоже, она и не заметила пыльного вихря.

Аглая даже позавидовала ее невозмутимости. Впрочем, не впервые. Проследив за взглядом подруги, она увидела несколько купеческих домов, с обеих сторон обступавших широкую и пустынную улицу. В реальности дома выглядели еще более изысканно, чем на фото, которые девушки нашли в интернете, когда изучали место, где им предстояло провести целое лето. И, хотя по современным меркам эти строения трудно было назвать архитектурной роскошью, но они, отлично отреставрированные, с кружевной резьбой и шпилями на высоких черепичных крышах, имели очень солидный вид на фоне простых изб. Один из домов, когда-то принадлежавший купцу Агантию Латкину, самый отдаленный от центральной площади, сдавался в аренду туристам, остальные служили музейными экспонатами, – об этом Аглая и Дина прочитали на сайте «Старины славянской». От ближайшего купеческого дома до самой площади, где высадились девушки, тянулся высокий забор из толстых бревен, такой же, как на картинках с изображением древне-русских крепостей в учебниках истории. Над зубчатым краем забора виднелись лишь макушки колоколен и церквушек, все остальное было скрыто от взора. Внушительные, окованные темным железом, ворота щетинились металлическими шипами и вызывали мрачные ассоциации с тюрьмой и острогом.

Аглая поежилась. Чувствовалась близость большой северной реки, еще источавшей зимний холод из своих стылых глубин. Правда, отсюда ее было не видно, строения закрывали обзор, но речной запах свидетельствовал о том, что до реки рукой подать, чего нельзя было сказать о купеческом доме-гостинице. Аглая прикинула на глазок, выходило, что идти придется не меньше двух километров. Может, это и не очень много, но она давно уже не преодолевала пешком такие расстояния. Выдвинув ручку чемодана на колесиках, она с сомнением покосилась на свой раздутый рюкзак, лежащий на лавочке. Идти налегке еще куда ни шло, но тащиться с этим баулом... Дине проще, она без рюкзака. Интересно, как она ухитрилась вместить все вещи в один чемодан?

- Зачем ты набрала столько одежды? – Словно прочитав ее мысли, Дина удивленно уставилась на ее рюкзак.
- Так ведь на все лето приехали, – возразила Аглая.

– Но ты же говорила, что для работы нам выдадут специальную форму, старинные русские наряды.

– А что, кроме работы, ты больше никуда ходить не собираешься? – усмехнулась Аглая.

Где-то поблизости что-то громко лязгнуло. Девушки вздрогнули и повернулись на звук. Из небольшой дверцы в воротах «Старины славянской» вышли два парня и огромный черный пес. Аглая прищурилась, всматриваясь. Ей показалось, или глаза у пса действительно были красного цвета?

***

– Девчонки-то какие здесь, а? – Марьянов толкнул Илью в бок, многозначительно подмигивая.

– Ага, – откликнулся тот безразличным тоном.

– Особенно худышка с хвостиком. Только испуганная очень. Заметил?

– Не знаю, не присматривался. – Илья пожал плечами. – Мы здесь по другому делу вообще-то.

– Насмерть испуганная, говорю, – повторил Марьянов, не обратив внимания на последнюю фразу своего спутника. – Есть над чем работать. Ну на то я и спец по чужим страхам. Разберемся.

– Сначала Шиша, – с нажимом произнес Илья. – Разберемся с ней, а потом будешь разбираться с девочками.

– Само собой. Но с Шишей вопрос, считай, решен. Завтра ее уже не будет.

– Ты уверен, что пожар поможет? – спросил Илья, понизив голос, и воровато оглянулся. – Все-таки не обычная деревня, а бесовское логово. Вдруг огонь не возьмет?

– Ну так бесов-то никаких в ней нет. Мы же с тобой каждое бревно осмотрели, а Гром обнюхал. Сгорит дотла, как миленькая, и дело с концом! – уверенно заявил Марьянов.

– Точно? – Илья недоверчиво покосился сначала на него, а затем на его четвероногого помощника Грома – черного шотландского волкодава с редкой генетической мутацией, выражавшейся в отливавшей красным радужке глаз, – особенности, присущей альбиносам, но в сочетании с абсолютно черной как смоль шерстью.

– Я, по-твоему, на трепло, что ли, похож? Не забывай, с кем разговариваешь! С дипломированным магом, а не с шелупонью какой-нибудь! Меня знаменитая наставница учила, которая знает о демонах больше, чем ты о своей маме.

– Вот только маму мою не трогай! – проворчал Илья, понимая, что Марьянова в очередной раз понесло. Такое всегда случалось, если «магу» казалось, что кто-то относится с недоверием к его магическим способностям.

Прошла уже неделя со дня их приезда в Дивноречье, а главная задача – уничтожение бесовской деревни – все еще не была выполнена. Пока разобранные на отдельные бревна деревенские дома кучами лежали вдоль забора музейного комплекса, сжигать их в таком виде было слишком рискованно: пожар мог в мгновение ока охватить все постройки «Старины славянской». Поэтому Илья и Роман отложили воплощение своего плана на последний день перед тем, как в деревню откроют доступ для посетителей, когда дома будут собраны и установлены на отведенной для них площадке. Конечно, все равно оставался риск, что огонь распространится на другие объекты, но, по мнению Ильи, он был минимален. Во-первых, Шишу окружали просторные газоны, на которых нечему было гореть. Во-вторых, Илья и Роман собирались запалить дома под утро, и если искры разлетятся далеко за пределы пожарища, то охранники, которые беспробудно спят всю ночь (за неделю наблюдений это выяснилось), заметят возгорание на утреннем обходе. К тому времени от Шиши останутся лишь тлеющие головешки (сгорит она быстро, уж Илья об этом позаботится!), а музейный комплекс не успеет серьезно пострадать.

Все должно получиться. Беспокойство вызывали лишь обрядовые куклы из сена, которых рабочие привезли вместе с избами, потому что обнаружили кукол внутри одной из этих изб. Похожие на огородные пугала, они стояли там, обращенные пустыми безглазыми лицами к входной двери, словно хозяева, поджидающие гостей. В этих кульках с сеном не было никакой исторической ценности, их возраст, судя по относительно современной одежде, которая была на них надета, не превышал пяти-семи лет. Это, кстати, показалось всем очень странным. Хотели даже вызвать полицию, заподозрив, что куклы изготовлены какими-нибудь сектантами для проведения обряда с жертвоприношениями, но все же передумали обращаться к правоохранительным органам, опасаясь, что расследование может осложнить работу музейного комплекса, а кукол, как и найденную деревню, скорее всего, вообще конфискуют в качестве «вещдоков».

Вначале работники «Старины...» собирались переодеть кукол в русские народные костюмы и вернуть их в избы, но, к счастью, отказались от этой идеи. Никто к этим куклам прикасаться не захотел, и неспроста: наметанным глазом Марьянов сразу определил, что кукол использовали в ритуалах для «перекидывания бесов» – так он называл процесс перемещения беса из одержимого человека в обрядовую куклу. И, по мнению «мага», эти бесы все еще находились в тех куклах. Марьянов, по его собственному утверждению, обнаруживал бесов с первого взгляда, где бы те ни находились – в людях, в животных, в предметах. Илья относился к этому с некоторым сомнением, потому что сам никогда и нигде бесов не замечал. «Маг» объяснял, что бесы показываются не всем, без особых способностей беса невозможно распознать даже в собственном теле, не говоря уже о чужом. Наставница Марьянова, которую тот почему-то называл Демоницей, якобы разглядела в нем такие способности и помогла ему раскрыть их. На вопрос Ильи, почему его наставница демоница, «маг» ответил, что это творческий псевдоним одной очень популярной женщины-экстрасенса, которая умиротворяет демонов крайне опасным способом: позволяет им вселиться в себя. В теле наставницы все время томилась какая-нибудь демоническая сущность, подлежащая уничтожению на энергетическом уровне. Такая практика не могла не сказаться на внешности наставницы и наделила ее нечеловеческими способностями: огромной силой, обжигающим взглядом, хищной красотой. Она могла внезапно заговорить низким утробным голосом или разразиться гомерическим хохотом, от которого сам Сатана побледнел бы от зависти, знала язык бесов и демонов и порой начинала выкрикивать непонятные слова, а иногда падала и принималась кататься по полу с жутким воем и натужными выдохами, будто что-то рвалось из нее наружу, – наверное, в такие моменты умиротворяемый ею бес брал верх, но длилось это недолго, не дольше пяти-шести секунд, и случалось крайне редко: за все время общения Марьянов видел Демоницу в таком состоянии всего лишь дважды, а обычно она удерживала бесов внутри под строгим контролем.

К сожалению, Марьянов не мог уничтожить бесов, как его наставница: он еще недостаточно развил свои способности, поэтому для изгнания бесов использовал обрядовых кукол, после чего избавлялся от них. Причем кукол нельзя было сжечь, распотрошить или еще как-то утилизировать, ведь тогда бесы вышли бы наружу и могли вселиться в первого попавшегося человека или животное, оказавшееся поблизости. Чтобы этого не произошло, Марьянов вместе с Ильей вывозили кукол далеко за город и выбрасывали в каком-нибудь нехоженном с виду лесу. Илья сомневался в том, что это безопасный способ, ведь куклы, сделанные из сена, должны были вскоре сгнить там от сырости и дождей, а значит, бесы неизбежно окажутся на свободе. Марьянов отвечал на это с надменным видом знатока: «Пока сено сгниет, бес без энергетической подпитки ослабнет и не сможет ни в кого вселиться, а через некоторое время совсем пропадет. Но если и не пропадет, то едва ли сможет добраться до человеческой души – так и будет метаться по лесу. И пусть, там ему самое место».

Илья подозревал, что с таким подходом к делу все леса за городом с годами будут кишеть нечистью. Наверняка есть другой способ избавления от кукол, но либо он неизвестен Марья-

нову, либо тот не хочет к нему прибегать, опасаясь не справиться. Однако Илья молча выполнял указания своего наставника, ведь тот щедро платил ему за это.

Теперь Илье и Роману предстояло вывезти целый ворох обрядовых кукол, которые на вид уже наполовину сгнили, а потому прикасаться к ним было рискованно. Интересно знать, кто их сделал и почему оставил в избах? Вероятнее всего, на эти вопросы никогда не найдется ответов. Судя по относительно современной одежде кукол, с бесами, обитавшими в Шише, боролись не так уж давно. Непонятно, почему от кукол так и не избавились. Придется Илье и Роману довершить начатое кем-то дело: увезти кукол подальше в лес. Тогда можно будет спалить бесовскую деревню, чтобы там вновь не завелась какая-нибудь нечисть.

Впереди показался дом деда Гриши, а точнее, куча ржавого металлолома, скрывавшего дом по самую крышу. По щербатому забору важно прохаживался рыжий кот с облезлым хвостом. За забором начинался просторный огород с аккуратными грядками, там копалась в земле кругленькая старушка в цветастой панаме. С другой стороны огорода, за таким же трухлявым забором, стояла худенькая светловолосая девушка и явно присматривалась к ним с Марьяновым, даже ладонь козырьком ко лбу приставила, чтобы солнце не слепило. Поймав на себе взгляд Ильи, она вздрогнула и спряталась за забором. Вот странная! Илья узнал ее, это была та самая девушка, налетевшая на него в первый день их работы в музейном комплексе. Интересно все-таки, откуда она знает его имя? Только вряд ли она расскажет, если Илья спросит ее об этом. Желание получить ответ на этот вопрос разгорелось в нем с новой силой.

Глава 4. Купеческий дом

– Проходите, проходите! – Невысокая женщина, распахнувшая перед ними калитку в деревянном резном заборе, отступила в сторону, пропуская Аглаю и Дину во двор купеческого дома.

Аглая шагнула с земляной дорожки на добротную брусчатку песочного цвета и огляделась. Миленько! Разноцветные петунии в больших горшках, высокое крыльцо с резными перилами, деревянный балкончик, весь ажурный и воздушный – наверное, специально сделанный для того, чтобы купеческие дочки мечтали здесь о своем, о девичьем.

Этажи в купеческом доме почему-то были сложены из разного материала: первый – из красного кирпича, а второй – из строганого бруса, выкрашенного в желтый цвет. Наличники на окнах и карнизы под крышей утопали в завитках деревянного кружева, отчего казалось, что дом переместился сюда напрямиком из старой доброй сказки.

– Стоит терем-теремок, он не низок, не высок! – задорно воскликнула Дина, всплеснув руками.

– Это вы внутри еще не были. – Встречавшая их женщина довольно закивала и взошла на крыльцо, при этом ни одна ступенька не скрипнула. – Сейчас все вам покажу и побегу до дому, а если вопросы какие возникнут, то вон, в сторожку к Николай Степанычу обращайтесь. – Она повернулась и указала на небольшой одноэтажный домик у запертых ворот. Его скрывала поленница, выложенная вдоль стены, от земли и почти до самой крыши, поэтому Аглая сразу домик и не заметила.

– Охранники тут сутками дежурят, сегодня смена Степаныча, а завтра с утра Митрич заступит. Ой, простите, Леонид Дмитриевич его зовут! Это мы тут привыкли друг друга по-свойски кликать. Но и вы можете по-свойски, они не обидятся. А я – Клавдия Пантелеевна, можно просто по отчеству, так удобнее.

– Приятно познакомиться. Я – Аглая, а это Дина.

– Чудесные имена, очень подходят вам, таким красавицам! – Клавдия Пантелеевна улыбнулась, и ее круглое гладкое лицо прорезали глубокие морщины, сразу выдав солидный возраст. Поначалу Аглае показалось, что женщине было слегка за пятьдесят, а теперь та выглядела лет на десять старше, но эта живая улыбка делала ее гораздо привлекательнее. Даже ее мрачный наряд – темно-серый брючный костюм и черный, расшитый черным же бисером, платок на голове – перестал казаться траурным.

В небольшой полутемной прихожей у крошечного окошка, выходявшего на забор, стояла напольная вешалка, заслоняя собой весь свет. Чуть поодаль, у стены разместились два мягких кресла и круглый столик, на котором лежали какие-то бумаги.

– Подавайте ваши паспорта, сверим данные в договоре и подпишем, а после пойдем дом осматривать. – Клавдия Пантелеевна вооружилась авторучкой, возникшей у нее в руках точно по волшебству.

Аглая и Дина синхронно защелкали застежками на сумочках. Клавдия Пантелеевна взглянула на документы, но даже не раскрыла их, видимо, не сомневаясь в том, что перед ней именно те гости, которых она ждала. Кажется, для нее просто важен был сам факт наличия у них паспорта. Она подтолкнула лист бумаги к краю стола и положила на него авторучку.

– Подписывайте.

– А можно свет включить? Плохо видно, что там написано. – Прищурившись, Аглая взгляделась в текст, набранный мелкими буквами на листе.

– Да это ж стандартный договор, чего его читать? Вы раньше в гостиницах не останавливались, что ли? Везде одно и то же пишут! – Клавдия Пантелеевна явно спешила, а в договоре было целых три листа.

– Ладно. – Аглая вздохнула и поставила свою подпись, хотя обычно так не поступала. Она всегда читала договоры и вообще любые бумаги, прежде чем их подписать. Всегда! Но сейчас ей не терпелось осмотреть новое жилье.

Прямо у входной двери располагалась массивная деревянная лестница. Ступени, ведущие вверх и вниз, тускло поблескивали толстым слоем хорошего лака, они так и манили отправиться в недра купеческого дома.

Когда вслед за Аглаей Дина поставила под договором свою подпись, Клавдия Пантелеевна схватила со стола листок и сразу оживилась, словно в договоре скрывался какой-то подвох и она испытала облегчение от того, что его не заметили.

– Э-э-э... А где второй экземпляр? – спросила Аглая, с тревогой наблюдая за тем, как сложенный вчетверо листок бумаги исчезает во внутреннем кармане пиджака Клавдии Пантелеевны.

– Идемте скорей хоромы смотреть, а то мне бежать надо. – Женщина сделала вид, будто не расслышала вопроса.

– Каждой из сторон, подписавшей договор, полагается свой экземпляр! – не отставала Аглая. Подозрение в подвохе окрепло.

– Ах, это! – Клавдия Пантелеевна на мгновение задумалась, подвигала бровями и выдала: – Так я его в администрацию снесу. Вы же как раз туда завтра пойдете, вот и скажите, чтоб вам там копию сделали.

– Все экземпляры договора должны быть в оригинале, – проворчала Аглая, но не очень громко. Тратить время на бесцельные препирательства не хотелось. Да еще и Дина ее поддразнила:

– Ух, ну ты даешь! Тебе надо было в юридический поступать.

– Мне и в педагогическом неплохо. Но все это очень подозрительно.

– Завтра получим копию договора и прочитаем.

– Только может быть уже поздно, мы его подписали.

– Да все будет в порядке, вот увидишь!

– Оптимизм – хорошее качество, но слишком отдаляет от реальности, – проговорила Аглая, но Дина ее не услышала, потому что в этот момент Клавдия Пантелеевна, успевшая подняться на второй этаж, свесилась через перила лестницы и прокричала голосом только что проснувшегося петуха:

– Поторопитесь же, девоньки! Чего вы там мешкаете?

Холл второго этажа утопал в зелени: горшки с фикусами и пальмами заполняли почти все его небольшое квадратное пространство. В окошко, такое же крошечное, как и в прихожей, виднелась макушка тонкой березки, ветви с шуршанием елозили по стеклу. Из холла выходило четыре двери. Одна из них была открыта, и Клавдия Пантелеевна нетерпеливо топталась на пороге.

– Это гостиная, – сообщила она. – Можете обедать тут, а то кухня тесновата. Она на первом этаже, дверь под лестницей.

Аглая и Дина вошли в просторную светлую комнату с множеством окошек, перекрещенных тонкими перемичками и прикрытых легкими ажурными занавесками. Рамы выглядели новыми, но их конструкция в точности повторяла ту, что была у рам, установленных при строительстве, Аглая сравнивала снимки дома до и после реставрации, они были почти идентичными, с той лишь разницей, что на последних дом имел более ухоженный вид. Паркет на полу тоже явно меняли, ведь если бы он сохранился с тех времен, то едва ли выглядел бы так свежо. Многоярусная люстра под потолком имитировала свечную: лампочки, вставленные в подобие хрустальных подсвечников, имели заостренную форму, напоминавшую язычок пламени. Центр гостиной занимал огромный стол, покрытый кружевной скатертью молочного цвета, его окружали изящные тонконогие старинные стулья без малейших признаков потертости, с мяг-

кими атласными сиденьями и спинками. Вся остальная мебель – диван, кресла, комод и шкаф-буфет – тоже имели дореволюционный вид, но так пахли свежим деревом, словно их только что доставили с мебельной фабрики.

– Ух ты! Все такое старинное с виду, но как новое! – восхитилась Дина.

– И телевизор есть, – заметила Аглая. – Работает?

– А как же! У нас тут все работает! – Клавдия Пантелеевна взяла с комода пульт и нажала красную кнопку.

Экран вспыхнул яркими красками, а комната наполнилась громкими звуками. Шел какой-то мультфильм. Тревожное чувство, все это время давившее на Аглаю, сразу отпустило. Хорошо, что есть телевизор. Он часто выручал ее в детстве, когда она оставалась дома одна до позднего вечера и ей начинали мерещиться чудовища. Хотелось забиться в укромный уголок, залезть в шкаф или под кровать, но она боялась, что как раз там они ее и схватят, наверняка только и ждут, когда она полезет туда прятаться. Однажды напуганная Аглая забралась в кресло с ногами и случайно села на пульт от телевизора, лежавший на сиденье. Как только экран засиял, а из динамиков донесся человеческий голос, все чудовища вмиг исчезли – так ей тогда показалось. С тех пор, пока не повзрослела, Аглая спасалась от чудовищ с помощью «стеклянного защитника», и в ее детском сознании укоренилось убеждение, что он каким-то образом отпугивает всякую нечисть. Оно особенно окрепло после одного случая, когда в процессе телевещания произошел сбой, телевизор замолчал, а экран стал черным, будто его выключили. В тот день Аглая вернулась из школы раньше обычного и в этот момент занималась уроками, но ей пришлось отложить тетради и пойти прятаться в укромное место. Тогда чудовище и появилось: жуткое, с окровавленной волчьей мордой и с длинным железным когтем, которым попыталось ее пронзить. Даже сейчас, в неполные девятнадцать, Аглая вспоминала об этом с ужасом, хотя и считала, что чудовище, напавшее на нее в далеком детстве, ей померещилось. А «телетерапия» до сих пор работала.

– Взгляни только, какой отсюда вид! – Восторженный возглас Дины выдернул Аглаю из воспоминаний. Подруга сдвинула в сторону занавеску на одном из окон, и за ним открылась широкая улица, упиравшаяся вдали в центральную площадь.

– Высокий статус был у купца Латкина, раз дом стоит на таком почетном месте, – отозвалась Аглая.

– Высокий, еще какой высокий! – охотно подтвердила Клавдия Пантелеевна. – Очень уважали здесь Агантия Латкина! Богатый был человек, но щедрый, о людях не забывал, всем помогал и поселок этот за свой счет благоустроивал. Только давайте-ка, я остальные комнаты вам покажу, а то ведь стемнеет уж скоро.

По соседству с гостиной располагались две одинаковые уютные спальни, одна справа, другая слева. В каждой было по две кровати с высокими спинками из переплетенных в затейливом узоре железных прутьев, две тумбочки с ночными светильниками и большой, во всю стену, шкаф из светлого дерева.

– Ну, барыни, выбирайте, кому какая опочивальня больше по нраву. Окна и там, и там на соседские дворы смотрят, в убранстве тоже нет разницы, так что в обиде никто не останется, – рассудила Клавдия Пантелеевна, пройдясь по комнатам широким шагом, словно измеряла их в длину.

– Думаю, что нам хватит и одной спальни на двоих, – сказала Аглая и выжидающе посмотрела на Дину.

Подруга кивнула:

– Ну конечно! Здесь же по две кровати. Да и скучно нам будет поодиночке.

– И ладно, я тогда одну комнату запру! – Клавдия Пантелеевна проворно повернула ключ в замке и спрятала его в карман.

Аглая подумала, что наличие запертых комнат в доме не очень-то приятно, но возражать показалось неприличным, да и Клавдию Пантелеевну можно было понять, ведь ей потом придется принимать дом перед их отъездом, а возможно, и убирать.

Но оказалось, что в доме были и другие запертые комнаты.

Когда все трое спустились вниз, Клавдия Пантелеевна продемонстрировала гостям кухню, действительно очень маленькую (правда, оснащенную новейшей бытовой техникой, включая индукционную варочную панель, стиральную машину и кофеварку), затем показала, где находятся гардеробная, ванная и туалет, и направилась к входной двери, явно собираясь удалиться.

– А там что? – спросила Аглая, указывая на ведущую вниз лестницу.

– Где? – Клавдия Пантелеевна, согнувшись, чтобы натянуть сапог, резко выпрямилась и, как показалось Аглае, растерялась, но после секундного замешательства ответила: – Музей там, в цоколе.

– Музей? С картинами?

– И с картинами, и с посудой, и с прочим хозяйским добром. Имущество Агантия, значит.

– А сходить туда можно?

– Так не работает пока музей, нехватка работников у нас из-за этой найденной деревни.

– Ну а зачем нам работники? Мы и сами можем посмотреть, – настаивала Аглая, хотя и видела, что Клавдии Пантелеевне не нравится ее просьба.

– Заперто же, а ключа нет с собой. После как-нибудь покажу. – Отмахнувшись, Клавдия Пантелеевна вновь занялась сапогами, а через минуту, пробормотав невнятное прощание, скрылась за дверью. Быстро удаляющийся топот тяжелых сапог по брусчатке сменился резким хлопком калитки, и Аглае показалось, что вязкая тишина обволокла ее с головы до ног, сковав в оцепенении. Возникло неприятное чувство, какое бывает под пристальным взглядом постороннего человека. Но ведь никого посторонних здесь больше не было. Разве что сам дом приглядывался к ним, изучая своих новых жителей.

***

Услышав лязг засова и скрип калитки у входа в дом, Лукерья принялась торопливо записывать под кровать вываленные из шкафов вещи. Что это тетя Клава вернулась так быстро? Обычно на то, чтобы показать дом вновь прибывшим постояльцам, у нее уходило не меньше часа. Но, может, просто Лукерья слишком увлеклась поисками и потеряла ощущение времени? Сколько сейчас? Она глянула на большие настенные часы и обомлела: полтора часа прошло с тех пор, как тетя Клава отправилась в гостиный дом встречать двух девушек из города. Все это время Лукерья рыскала по шкафам и чуланам в поисках книг – единственного имущества, которое она прихватила с собой, когда год назад тетя Клава забирала ее из Приютово.

Это были книги ее деда, старинные и, по словам тети Клавы, запрещенные. Необычные названия книг вызывали в душе Лукерьи волнение и трепет: «Зелейник», «Громовник», «Чаровник», «Кудесник». Не иначе, в них содержались некие магические знания, только прочесть Лукерья ничего не могла и даже названия книг узнала от деда. Она упорно пыталась разобрать слова, написанные на древних языках, иногда ей казалось, что еще немного, и все получится, но смысл ускользал от нее, и она откладывала книгу. В «Кудеснике» и вовсе не было букв, текст состоял из странных символов, похожих на узоры. Потом тетя Клава спрятала куда-то все книги, сказав, что из-за них могут быть неприятности и лучше убрать их с глаз долой: все-таки книги запрещены церковью, а если кто из соседей вдруг зайдет и увидит «эти колдовские талмуды», то непременно растрезвонит об этом по всему поселку. «Чего только одна Нинсанна наша стоит! Старая сплетница, всюду сует свой нос, чужие дела интересуют ее куда больше своих собственных!» – ворчала тетя Клава, перевязывая стопку книг толстой бечевкой. Лукерье так и не удалось проследить, куда она их засунула. А книги эти были сейчас очень нужны. От деда Ерофея Лукерья знала, что в одной из книг – вроде бы, в «Кудеснике» –

говорилось о том, как избавляться от бесов и всякой нечисти. Лукерья и в страшном сне не могла себе представить, что эти знания когда-нибудь ей понадобятся. И вот, все-таки это случилось!

Ведь Шиша вернулась!

Еще в первый день, когда в музейный комплекс привезли разобранные срубы, Лукерья заподозрила, что они из той самой деревни, но, увидев их, не почувствовала опасности и решила, что ошиблась. А сегодня в одном из сараев она обнаружила ворох травяных кукол и с первого взгляда их узнала, ведь сама, своими руками наряжала некоторых, помогая деду Ерофею совершить обряд. Ошибки быть не могло: одежда на куклах раньше принадлежала ее односельчанам из Приютово, и Лукерья хорошо помнила некоторые вещи. К примеру, кофту ручной вязки, серую, с красными петушками (такую в магазине не купишь), носила продавщица из сельского магазина. А линиялая куртка с небрежной заплаткой на рукаве, пришитой почему-то белыми нитками, вызывала в памяти Лукерьи образ почтальона, который колесил по селу на ржавом скрипучем велосипеде. Красный свитер, хоть и фабричного производства, тоже имел свой отличительный знак – большую прореху на плече, с рваных краев которой пучками свисали длинные кудрявые нитки. Эти нитки раскачивались в такт ходьбе обладательницы свитера и почему-то напоминали Лукерье скопище червей, выползших из разложившегося трупа, наверное, потому, что девушка в том свитере выглядела почти так же, как ходячий труп. Она была родом не из Приютово, а пришла из Шиши вместе с другими людьми. Хотя... людьми они лишь внешне казались.

Напряженные, сверлящие взгляды исподлобья. Резкие и быстрые движения. Серая кожа, страшная худоба.

– Что ты тут учудила, Лукерья?! – Окрик тети Клавы выдернул ее из воспоминаний так резко, что она на мгновение растерялась, не сразу сообразив, где находится.

– Я... не нарочно... – пробормотала Лукерья, по-черепашьи втягивая голову в плечи.

– Что значит «не нарочно»?! Случайно вывернула на пол все шкафы и тумбочки? Как это называется, а?! Ну? Я жду ответа!

Тетя Клава подбоченилась и глянула на нее примерно так же, как смотрела на навозную муху, которую давно гоняла по дому и никак не могла прибить.

Лукерья сделала глубокий вдох и выпалила:

– Мне нужны книги деда Ерофея! – От страха получилось слишком громко, и внутри у нее все затрепетало, будто в воду ледяную сиганула.

– Та-ак... Что это ты затеяла? – Тетя Клава глубже вдавила кулаки в свои пышные бока. – А ну выкладывай!

«Не отдаст», – поняла Лукерья, со вздохом опуская голову и бормоча едва слышно:

– Шиша вернулась. Та самая деревня, с бесами.

– Глупости какие! Сколько можно одно и то же повторять?! Нет никакой Шиши, это просто байка, кто-то насочинял, а народ подхватил и разнес.

– Не байка, а правда. Я сама видела.

– Что ты видела?

– Одержимых. Они говорили голосами бесов.

– Мы это уже обсуждали. Ты пережила сильный шок. Я не позволила забрать тебя в психиатрическую клинику только потому, что ты обещала не повторять этот бред!

– Скоро ты поймешь, тетя, что это не бред, если не отдашь мне книги! Все повторится снова! Все будет очень плохо!

Тетя Клава коротко и сухо рассмеялась:

– Ладно, хватит кривляться! Не маленькая уже! И устала я сегодня. Еще девчонки такие дотошные попались, договор им надо было прочитать, а там две страницы мелким шрифтом! И чего его читать? Будто им делать больше нечего. Еле уговорила, чтоб подписали.

– Тетя Клава, отдай мне книги! – Лукерья понимала, что лезет на рожон, но отступить не собиралась.

– Вот заладила, посмотри-ка! И не стыдно тебе? Говорю же, устала, умоталась за день. Лучше чаю мне сделай!

– Тетя, мне книги нужны.

– Да отвяжись ты! Пристала, как банный лист! Доведешь ведь до белого каления, не жалуйся потом!

– Книг нет в доме, я везде искала. Ты их выбросила, да? Выбросила?! – Лукерья, сама от себя не ожидая, двинулась на тетю Клаву, отчего та так опешила, что даже попятилась.

– Это память о моем дедушке, и ведь он твой отец! Как ты могла выбросить единственные вещи, которые от него остались?! – Щеки Лукерьи защипало от хлынувших слез.

– Ничего я не выбрасывала! – огрызнулась тетя Клава, недобро прищурившись и выставив перед собой руки. – Не подходи ко мне! Слышишь, ты, ненормальная?! Стой, где стоишь, или я полицию вызову! И «скорую» заодно, чтоб увезли тебя туда, куда сразу надо было определить!

– Если не выбрасывала, так где же они тогда? – Лукерья остановилась перед тетей Клавой, вжавшейся в угол. Ее голос был полон решимости и звенел, как натянутая струна.

– В музей сдала! – выкрикнула тетя Клава. – Без надобности мне в доме эта макулатура!

– И где они сейчас? Где их разместили?

– Откуда мне знать?

– А кто знает? Кому ты их отдала?

– Ой, хватит! Прямо допрос устроила! Нигде пока не разместили, в хранилище убрали, что в цоколе дома Агантия Латкина. Там и выставят, когда музей откроют, а пока работников не хватает, поэтому закрыто.

– А можно их забрать оттуда? – спросила Лукерья, хотя и так знала ответ. В ее голове уже начал вырисовываться план дальнейших действий.

– Ну как забрать? Книги оприходованы, занесены в каталог, им номер инвентарный присвоен. Да и не позволю я тебе снова притащить в дом эту колдовскую ересь! Вот заработает музей, сходишь тогда и почитаешь свои книги, раз тебе так приспичило. Я уж, так и быть, по-свойски попрошу, чтоб тебе их в руки взять позволили.

Лукерья видела, что тетя Клава врет, никого ни о чем она просить не станет, но это было уже неважно. Главное – книги не пропали, не сожжены, не сгнили на свалке! А значит, их можно будет вернуть назад.

И Лукерья уже придумала, как сделает это.

Глава 5. Таинственная гостья

Часа два ушло у Аглаи и Дины на то, чтобы разобрать вещи и поужинать. И не так уж много было у них вещей, чтобы долго с ними возиться, и ужин им готовить не пришлось, пригодились бутерброды, не съеденные в дороге... Но вот ведь, весь вечер пролетел, а ни осмотреться, ни в магазин сходить они не успели. Да и желания не было никуда идти, накатила такая усталость, что обе только и думали, как бы побыстрее добраться до кровати.

Когда это, наконец, произошло, Аглая была уверена, что мгновенно заснет, но сон почему-то все не шел. Ей всегда плохо спалось на новом месте, требовалось время, чтобы привыкнуть. Наверное, и этот раз не станет исключением. Она ворочалась с боку на бок, с тоской думая о том, что момент, когда должен зазвонить будильник, неумолимо приближается. Мерное посапывание Дины на соседней кровати вызывало у нее жгучую зависть, да еще раздражал странный звук, едва различимый и очень далекий, но повторявшийся с равномерной периодичностью. Не то вода где-то капала, не то тикали старые часы. Аглая прислушивалась к этому звуку с все возрастающим интересом, и вместе с тем надежда на то, что этой ночью ей удастся поспать, таяла. Она протянула руку, нащупала телефон, лежащий на тумбочке у изголовья кровати, включила экран. Увидев высветившееся на нем время, чуть не взвыла в приступе отчаяния: два часа сорок пять минут! До подъема осталось чуть больше трех часов, а впереди у нее трудный день в «Старине славянской», где ее ждут новые обязанности, которые еще нужно будет освоить. Можно представить, какое впечатление она произведет на работников музейного комплекса, когда заявится к ним, не выспавшись. Но что же делать, если никак не получается уснуть? Еще и этот странный звук... Может быть, плохо закрыт кран на кухне?

Меньше всего Аглае хотелось бродить в темноте по незнакомому дому, но лежать в бездействии она больше не могла и все-таки встала с кровати. Сунув ноги в мягкие тапочки, она бесшумно заскользила к двери. Новый паркет ни разу не скрипнул под ногами. Дверь была приоткрыта. Холл заливал лунный свет, а лестница тонула во тьме. Аглая на мгновение остановилась перед ней, борясь со страхом. Далекий звук, не то тикающий, не то капающий, стал отчетливее. «Точно, мы плохо закрыли кран», – решила она и начала спускаться. Оказавшись в крошечном мраке прихожей, Аглая пожалела, что не взяла с собой телефон, оснащенный хорошим фонариком. Постояла немного, раздумывая, сходить за ним или искать кран наощупь. До кухни всего несколько шагов, а спальня на втором этаже гораздо дальше. Аглая двинулась вправо вдоль лестницы, в сторону кухонной двери. Нащупав ручку, открыла ее. В кухонное окно проникал свет фонарей с улицы, достаточный, чтобы разглядеть раковину. Водопроводный кран поблескивал зеркальным хромированным покрытием. Аглая коснулась отверстия в нем и убедилась, что оно совершенно сухое: кран не капал.

А странный звук повторился вновь. Все еще далекий, отсюда он казался ближе, чем из прихожей, и еще больше походил на тиканье часов, скрипучее, напоминающее хрипловатое старческое «кхе-кхе». Вдруг за стеной кухни что-то лязгнуло, затем скрипнуло, и из глубины дома донеслись быстро приближающиеся шаги, очень тихие, едва ли громче загадочного «тикания». Аглая вздрогнула, чувствуя, как по всему телу прокатилась обжигающая волна страха, и медленно обернулась.

В темноте дверного проема светлым пятном проплыло чье-то бледное, словно неживое лицо. Оно быстро исчезло, но Аглая продолжала таращиться в то же место, не в силах пошевелиться. Вопрос «что это было?» застыл в голове, вытеснив все мысли. Неизвестно, сколько продолжался бы этот ступор, но внезапно совсем близко что-то раскатисто и гулко громынуло.

Бом-м!..

Аглая с диким визгом ринулась в прихожую. Она чуть не вынесла входную дверь, толкаясь в нее плечом, пока дрожащими пальцами пыталась повернуть защелку, а позади продол-

жало гроыхать с равными промежутками: *бом-м – бом-м – бом-м!*..Огласив пустой и тихий двор истошным воплем «Помогите!», Аглая кубарем скатилась с высокого крыльца и помчалась к белеющей в ночи поленнице, за которой скрывался домик сторожа. В поисках входа она обежала вокруг домика и, увидев небольшое окошко, заколотила в него обеими руками. Через некоторое время занавеска на окне с обратной стороны сдвинулась в сторону и сразу вернулась на место. Аглая продолжала стучать, пока ее не отвлек громкий скрип открывшейся двери. На пороге возник мужчина в строгом полупальто и шляпе. Станный наряд для сельской местности, особенно для охранника при гостинном доме: обычно так одеваются чиновники и другие важные персоны. Наверное, охранник тоже считал себя важной персоной, иначе как еще объяснить выбор такого далеко не самого комфортного стиля в одежде. Аглае даже стало неловко из-за того, что она разбудила человека посреди ночи, словно тот не имел никакого отношения к охране дома. Как же его зовут? Вроде бы, Клавдия Пантелеевна называла имена охранников, но те начисто выветрились из головы.

– Здравствуйте, – произнесла Аглая тихо, устыдившись, что голосила на всю округу.

– Ага. – Мужчина едва заметно кивнул. – Стряслось чего?

– Там, в доме... кажется, кто-то посторонний. И что-то сильно гремит.

Мужчина молча спустился с крыльца, прошел мимо Аглаи и скрылся за углом сторожки. Аглая двинулась следом и догнала его уже на крыльце купеческого дома. В прихожую они вошли вместе. Прислушались. Ни грома, ни шорохов, ни даже тиканья – никаких звуков не было слышно. Охранник щелкнул выключателем, и прихожую залил свет двух настенных светильников.

– Чего впотьмах-то? – Он обернулся к Аглае. В редкой бородке угадывалась усмешка. – Впотьмах-то и муха слонем показаться может, а?

– Да я... мы же только сегодня вечером заехали, я пока не запомнила, где тут выключатели.

– Ну а где видела постороннего?

– Он мимо кухни прошел, а до этого звякнуло что-то, будто замок отпирали, но не с той стороны, где вход, а с противоположной.

– Ясно. Сколько человек в дом заселилось?

– Только я и моя подруга, она наверху спит. Двое нас.

– Понял. Посиди тут, а я обход сделаю.

– Нет! Я с вами! – испуганно возразила Аглая, не желая оставаться в одиночестве, но тотчас попятилась под мгновенно потяжелевшим взглядом охранника, повернувшего к ней недовольное лицо.

– Сиди здесь, я сказал! – рявкнул он и пошел вниз по лестнице, на цокольный этаж.

Потрясенная такой грубостью, Аглая опустилась на диван и вжалась в мягкую спинку. Ничего себе, тут охранники! Это вообще нормально, так обращаться с постояльцами? А может, этот мужик – какой-нибудь псих? Мало того, что какие-то неизвестные личности шастают по дому, так еще и тот, кто должен обеспечивать безопасность, сам внушает опасения. Нет, так дело не пойдет! Завтра надо будет потребовать от администрации «Старины», чтобы этого охранника перевели на другой объект, а вместо него прислали приличного человека. И пусть проведут всем охранникам инструктаж по этике общения с клиентами.

Возмущение, вскипевшее внутри, вытеснило все страхи и пробудило в Аглае боевой дух. Еще не хватало, чтобы какие-то охранники ею командовали! Она сама будет решать, где ей сидеть и куда ходить! И вправе знать, что творится в доме, в котором ей предстоит жить все лето!

С часто бьющимся сердцем, переполненным отвагой, Аглая спустилась на цокольный этаж. Лестница привела ее на небольшую площадку с тремя дверями. Та дверь, что располагалась посередине, была приоткрыта. Из-за нее доносились шаги и шорохи. В щель между две-

рю и стеной удалось разглядеть лишь край стола из темного дерева и часть стены, оклеенной обоями болотного цвета в редкий и мелкий розовый цветочек. Вытянув шею, Аглая заглянула за дверь и увидела охранника, стоявшего в конце просторной длинной комнаты, погруженной в полумрак. Немного света проникало в узкие окна под потолком, и у охранника в руках был фонарь, которым он зачем-то светил в стену перед собой. Аглае стало любопытно, что он там такое разглядывает, и она подалась вперед. Дверь качнулась, предательски скрипнув. Охранник дернулся и резко обернулся, свет фонаря метнулся от стены к двери и залил лицо Аглаи.

– Ты?! – Охранник сурово уставился на непрошеную гостью. – Вот дурная! Чего приперлась?! А вдруг бы на грабителя напоролась?! Пристукнул бы, а мне отвечать!

– А где грабитель? – Аглая распахнула дверь пошире, поскольку скрываться больше не имело смысла, но войти в помещение побоялась.

– Нет никакого грабителя, это я к примеру сказал. Никого тут нет. Ну заходи, раз пришла.

Взору Аглаи открылся просторный мрачный зал, обставленный по периметру шкафами из темного дерева, глухими и наполовину остекленными. За стеклом белела фарфоровая посуда: стопки тарелок и чайные чашки с изящно изогнутыми краями, пузатые расписные супницы и салатницы, миниатюрные сахарницы, наборы для специй и еще какие-то предметы – не то статуэтки, не то подсвечники. Добрую половину зала занимал огромный стол, вокруг которого стояли деревянные стулья, похожие на те, что были в гостиной на втором этаже, – с резными спинками и мягкими выпуклыми сиденьями, обтянутыми блестящим атласом. Другая половина зала пустовала, и судя по роялю, находившемуся там в углу, предназначалась для танцев. Наверное, это был зал для торжеств.

Аглая прошлась по нему, с любопытством рассматривая убранство. С каждым шагом ей казалось, что она уменьшается в размерах, как Алиса из Страны Чудес, и становится все более незаметной среди всей этой роскоши. Наконец ее внимание переместилось к стене рядом с охранником, который все еще возился там с фонарем, и она увидела огромные, от пола до потолка, часы с маятником, встроенные в нишу.

– А ну-ка послушай, так ли гремело? – Охранник поковырял что-то в часах, и по залу прокатилось гулкое «бом-м!». Это был тот же звук, который так напугал Аглаю на кухне.

Она вздрогнула и кивнула:

– Так вот что это было!

– Странно, вообще-то бой был отключен. – Охранник отступил от часов и окинул их придирчивым взглядом. – Точно был отключен, специально, чтобы гостей не пугать. И с чего вдруг часы снова пробили?

– Здесь кто-то был! Он и запустил бой.

– Да не-е, мышь, разве что, в механизм залезла... – Охранник покачал головой. – Со двора никто не входил, там камеры у меня, я все вижу. И с обратной стороны замок висит, я проверил.

– С обратной? В доме есть еще один вход?

– Так конечно, парадный же! Но он закрыт. Его отвели для музея, да что-то не заладилось с музеем этим, так и не открыли его. Видать, покойный Агантий не хочет, чтоб тут народ топтался, и препоны чинит.

– Но я видела, как кто-то прошел мимо кухни!

– Показалось, поди, со страху, – уверенно возразил охранник. – Я ж говорю, впотьмах-то и мышь слоном покажется. Верно, машина мимо проезжала, фарами тьму всколыхнула, вот и почудилось тебе.

– Ну не знаю... – неуверенно протянула Аглая. – Игра света и тени? Хорошо, если так.

– Да так, так. Зря я, что ли, за домом слежу? Можешь спать спокойно.

– Спасибо.

– Ага. Часы тоже больше не потревожат, я подкрутил там, что надо, теперь порядок. Идем уж!

Аглая пошла к выходу следом за охранником, но замешкалась на мгновение, почувствовав сквозь тонкую и мягкую подошву домашней тапочки, что наступила на твердую выпуклость вроде камешка. Нагнувшись, она подняла с пола продолговатый предмет величиной с мизинец, похожий на пуговицу цилиндрической формы. Зажав его в кулаке, Аглая покинула зал под пристальным взглядом охранника. Потом, прощаясь с ним в прихожей, она неожиданно вспомнила, как его зовут.

– Спасибо за помощь, Николай Степанович! Извините, что зря потревожила, – произнесла она с вежливой улыбкой.

– Ага, – кивнул он и вышел из дома.

Чувствуя себя в полной безопасности, Аглая щелкнула замком, повернулась, чтобы пойти наверх досыпать остаток ночи, но вдруг ее затрясло от ужаса: напротив лестницы у окна стоял какой-то мужик в шляпе! В следующий миг стало ясно, что это всего лишь шляпа и пальто, висящие на вешалке: охранник забыл здесь свою одежду. Шумно выдохнув, Аглая выскочила на крыльцо и окликнула его. Вручив ему вещи, снова заперлась и уже занесла ногу над первой ступенькой, но поняла, что сегодня поспать ей не суждено: по лестнице спускалась Дина с выражением недоумения на заспанном лице:

– У нас, что, были гости?

У Дины, по ее собственному утверждению, всегда был очень крепкий сон, и, если она проснулась, значит, наступило утро.

***

Выскользнув из купеческого дома, Лукерья притворила дверь парадного входа, стараясь, чтобы та не хлопнула, и дрожащими руками с огромным трудом вставила ключ в замочную скважину. Дрожали не только руки, ее всю трясло от того, что она только что чуть не попала. И зачем одной из постоялиц вдруг понадобилось пойти на кухню среди ночи, да еще именно в тот момент, когда Лукерья проникла в дом и направлялась к лестнице, чтобы спуститься на цокольный этаж? Просто чудо, что они не столкнулись носом к носу в крошечной темноте! И почему эта девушка не зажгла свет? Само собой, тогда Лукерья и не сунулась бы в дом. Страшно подумать, что было бы, если бы охранник поймал ее! И какой гнев обуял бы тетю Клаву, узнай она о том, что Лукерья выкрала у нее ключ от парадного входа!

Но, кажется, разоблачения удалось избежать. Хотя... когда Лукерья шла мимо кухни, девушка, стоявшая в дверном проеме, смотрела прямо на нее. Правда, было очень темно, но немного света все же попадало в холл из кухонного окна, за которым светил уличный фонарь. Успела ли та девушка разглядеть ее лицо? Пусть так, но останется ли оно, мелькнувшее лишь на короткий миг, в ее памяти? Лукерья успокаивала себя тем, что такое вряд ли возможно. Конечно, она очень рисковала, продолжив действовать по своему плану, несмотря на то, что попала на глаза постоялице, однако на кону стояло слишком многое, и она не могла позволить себе спастись и вернуться назад. Ведь в следующую ночь может быть уже поздно. Лукерья надеялась, что девушка, увидевшая ее, побоится пойти за нею следом. Скорее всего, она позовет охранника, но прежде пройдет несколько минут, пока она оправится от шока, доберется до выхода, а потом и до «сторожки». Пока охранник очухается от сна и поймет, что от него нужно, Лукерья успеет заглянуть в шкафы и, возможно, найдет в одном из них свои книги. Вряд ли их тщательно прятали, они должны быть где-то на виду.

Так думала Лукерья, но ошиблась. Книг она нигде не нашла, хотя заглянула не только в шкафы, но и всюду, куда только можно было заглянуть. Даже пошарила внутри огромных, выше ее роста, напольных часов. Чуть не умерла со страху, когда случайно задела маятник, и часы разразились оглушительным боем. Кто бы мог подумать, что они еще работают! Лукерья увлеклась поисками и опомнилась, когда услышала звуки шагов наверху в прихожей. Бежать

было поздно: она бы, скорее всего, столкнулась по пути с охранником, пришлось ей искать укрытие в кладовке под лестницей среди ведер и коробок с чистящими средствами. Опустошив одну из коробок, Лукерья спряталась внутри как раз в тот момент, когда дверь кладовки распахнулась и луч фонаря прорезал тьму над ее головой. От едкого запаха стирального порошка Лукерья едва не расчихалась. К счастью, заглядывать внутрь коробок охранник не стал и спустя пару секунд вышел. Тихонько чихая в рукав, Лукерья просидела в коробке до тех пор, пока наверху не хлопнула входная дверь, и только тогда стала осторожно выбираться. Ей повезло, что охранник забыл в прихожей свою одежду: постоялица схватила эти вещи и выскочила за ним следом, чтобы отдать их ему. За это время Лукерья стрелой промчалась через холл и скрылась за дверью тамбура, за которым была дверь парадного входа. Заперев ее за собой, Лукерья окинула пустынную улицу внимательным взглядом, спустилась с крыльца и, прижимаясь к шершавому забору, тенью заскользила вдоль него по направлению к своему дому.

Край неба вдали посветлел, но петухи еще не прокричали, и даже шума строительных работ не доносилось из музейного комплекса; значит, оставалась надежда вернуться домой незамеченной. Но она рухнула, когда Лукерья отворила калитку в заборе и увидела на крыльце черную фигуру: тетя Клава стояла там, деловито скрестив руки на груди, в своем неизменном брючном костюме, в котором ходила всюду, кроме музейного комплекса, где она переодевалась в форменную одежду в старо-славянском стиле. Выражение тетиного лица свидетельствовало о клокотавшей в ее душе буре из смеси гнева и тревоги. Однако, как только напряженный взгляд тети остановился на Лукерье, все признаки тревоги тотчас испарились, и остался только гнев.

– Где тебя ч-черти носят?! – прошипела она, явно сдерживаясь, чтобы не закричать.

Лукерья прижалась спиной к калитке, которую только что закрыла за собой, раздумывая, не выскочить ли обратно на улицу, чтобы где-нибудь пересидеть до тех пор, пока тетя Клава не уйдет на работу. Вон, на голове у нее и шарфик повязан, значит, уже собралась.

– А ну марш в дом, змеюка подколодная! – Тетя Клава говорила тихо, но отчетливо и зловеще. Точно так же говорили люди из Приютово, когда все началось. Уж лучше бы она закричала. – Пригрела на груди рептилию, сделала доброе дело, называется, теперь вот расхлебываю... Ты куда бегала среди ночи, а?! Уж не к парням ли городским, что у деда Гриши гостят?! То-то люди говорят, что ты все возле стройки крутилась, видели тебя возле них, приезжих этих! Ну?! Чего молчишь, как рыба?! Отвечай, когда спрашивают, да в дом зайди, не позорь меня перед соседями!

Понурившись, Лукерья поднялась на крыльцо и быстро прошмыгнула мимо тети Клавы, но та все же успела отвесить ей звонкую оплеуху. И от этого сразу исчез весь страх, а внутри все вспыхнуло от возмущения. Лукерья вдруг потеряла контроль над собой и словно со стороны наблюдала за тем, что происходит с ее телом. Тело обернулось к тете Клаве, входившей в дом, и начало выкрикивать все накопленные обиды, которым Лукерья ни разу не позволила выплеснуться наружу, как бы яростно те ни рвались.

– Я к тебе не напрашивалась! Не надо было меня из Приютово забирать! А ты забрала, потому что за меня пособие положено! Сколько ты из тех денег на меня тратила? Хотя я и троечница, а считать умею! Никогда ты мне новых нарядов не покупала, отдавала лишь свое старье нафталиновое, которое в молодости носила и не выбросила из жадности! А думаешь, не стыдно мне ходить в таком старье? Да какие парни на меня посмотрят? Все смеются за спиной, нищесборкой зовут!

– Ах, ты... гадина... – натужно выдавила тетя Клава, задыхаясь от злобы. – Я ж тебя... поила... кормила...

– Так я все отработала, разве нет? Уборка на мне, готовка на мне, летом – огород, зимой – печка и чистка снега. Уйду я – сама будешь все делать, а не на диване перед теликом лежать, ток-шоу смотреть. Я б сегодня ушла, но мне надо закончить то, что дед Ерофей не успел. Скажи правду, куда подевала его книги? Я была в купеческом доме, в цоколе, нет там их!

– Ах, вот куда ты бегала! И ключ у меня сперла, значит! Так ты еще и воровка! В тюрьму тебя надо сдать, а не в психушку!

– Сдавай куда угодно, только книги верни!

– На свалку я вынесла твои книги! Сразу же и вынесла. Хотела в печке сжечь, да побоялась дом изгадить: кто его знает, можно ли колдовскую ересь в своем доме сжигать. Считаю, доброе дело для тебя сделала, не то пошла бы ты по стопам своего деда-колдуна и тоже бы не зажила на свете. Не просто ж так прибили его, а за дела колдовские! Люди издавна умеют ведьм и колдунов определять и знают, как от них избавляться.

– Он не был колдуном, наоборот... – Лукерья почувствовала, что вновь контролирует свое тело, но пыл уже угас, и она вновь бормотала едва слышно. Больше не хотелось выкрикивать обвинения, да и вообще говорить не хотелось.

От мысли, что книги уже не вернуть, ее заполнило ощущение обреченности, тяжелое, холодное и противное, как кладбищенская земля, щедро политая дождями.

Глава 6. «Костылёк»

– Пойдите, девушки! Где ваши билеты? – Здоровенный парень в широких штанах и рубаше со славянским орнаментом преградил путь Аглае и Дине, когда они прошли сквозь открытые настежь ворота на территорию музейного комплекса. – Ой, да и закрыто у нас еще, с девяти работаем! – добавил он, спохватившись.

– Оно и видно, что закрыто. – Аглая многозначительно покосилась на распахнутые ворота, подумав, что в «Старине славянской» просто беда с сотрудниками: охранник – грубиян, контролер – растяпа.

Парень заметно покраснел под ее презрительным взглядом.

– Да я тут петли смазывал... – начал оправдываться он, но вмешалась Дина, явно пытаясь сгладить острый момент:

– Нам в администрацию надо. Мы студентки, приехали по приглашению, поработать на лето.

– Ох, извините! Тогда – милости просим! – Парень отвел в сторону правую руку и отвесил им поясной поклон.

Дина рассмеялась, расценив это как шутку, и присела в реверансе, подыгрывая ему. Не в силах сдержать усмешку, Аглая сделала вид, что закашлялась. А затем внезапно раздавшийся за спиной знакомый голос заставил ее обернуться.

– Ух ты, какая встреча!

Рядом стоял Стас Мельников. Правда, чтобы узнать его, Аглае пришлось присмотреться, потому что выглядел он очень непривычно в таком же русском народном костюме, как у парня-контролера. Фольклорный образ «красного молодца» довершали отросшие и выгоревшие на солнце волосы, скрывающие уши и завивающиеся на концах крупными кольцами, да еще соломинка в зубах, которую он непринужденно пожевывал, сдвигая то в одну, то в другую сторону. В руках он мял льняной картуз и при этом смотрел на Дину. Неужели он к ней так и не остыл? Аглая покосилась на подругу и заметила, что та залилась румянцем. Аглае вдруг стало стыдно, что она соврала Стасу насчет Дины. Надо будет как-то собраться с духом и сказать ему правду, наверное.

– Вы надолго к нам? – спросил Стас, продолжая смотреть на Дину, словно Аглаи вовсе не существовало.

– На все лето. – Отвечать пришлось Аглае, потому что Дина не раскрывала рта, словно язык проглотила, и это было совершенно на нее не похоже. – А ты тут в каком качестве?

Стас наконец-то удостоил Аглаю взглядом.

– Почти весь курс наш здесь, на практике. Встречаем гостей, развлекаем быличками, водим по объектам. Кто-то в мастерских, кто-то в местном кафе трудится. Кстати, кафе отличное, готовят по старинным рецептам, щи-борщи всякие, травяной чай, блины с медом, с вареньем... Нам, студентам, за полцены. А вы чем заниматься будете?

– Пока неизвестно, в администрации скажут. Но вообще-то нас сюда прислали из-за нового объекта – найденной деревни. Нам сказали, что дома собрали недавно, их еще надо привести в порядок. Вероятнее всего, мы и будем приводить, в смысле, прибираться там или что-то вроде того.

– Слышал про эту деревню, но не видел. Туда никого не пускали, пока шли работы по сборке и установке, но вроде бы их уже закончили. Как раз управились к вашему приезду.

– Сейчас в администрации все и выясним. Кстати, не подскажешь, где она находится? – спросила Аглая, окидывая взглядом пространство музейного комплекса, но ничего похожего на административное здание на глаза не попало, вокруг были сплошь церквушки, колокольни и бревенчатые избы с реконструированными подворьями, на которых топтались живые куры

и гуси, а в загонах гарцевали лошади – видимо, с помощью живности работники музея пытались максимально приблизить экспозицию к реально существовавшему когда-то деревенскому хозяйству. Посетителей еще не было, и на территории находились только сотрудники комплекса, все как один выряженные в русские народные костюмы, отчего у Аглаи возникло ощущение, будто она провалилась в прошлое.

– Так давайте я вас провожу, – охотно предложил Стас. Он снова не сводил глаз с Дины.

– Ну, ведем, – кивнула Аглая.

В этот момент раздался протяжный металлический скрип. Парень-контролер закрывал ворота перед началом рабочего дня, чтобы пропускать посетителей по одному через встроенную в ворота дверь. «Смазка петлям явно не помогла», – отметила про себя Аглая. Поймав ее взгляд, парень дружелюбно улыбнулся и подмигнул. Она ответила совсем другой улыбкой, холодной и надменной, затем театрально закатила глаза и отвернулась. Нечего! Пусть даже надежд не питает. И посмотрела на Стаса: заметил или нет? Оказалось, он и Дина уже ушли далеко вперед. «И что он все-таки в ней нашел?» – с досадой подумала Аглая, догоняя парочку, позабывшую о ее существовании.

Администрация располагалась в противоположном конце музейного комплекса, в двухэтажном доме, тоже в прошлом принадлежавшем какому-то купцу. Дом был почти такой же, как тот, в котором остановились Аглая и Дина, но заметно больше. Он стоял на просторной, аккуратно подстриженной лужайке. Над ним, свесив ветви до самой земли, склонились старые ивы. Под ивами прятались лавочки, выкрашенные в ярко-желтый цвет. Аглая скользнула по ним взглядом. Какое уютное местечко! Вот бы устроиться там, в самом укромном уголке, куда не проникают солнце и чужие взгляды, да прикорнуть хотя бы на пару часиков! Как дожить до вечера после бессонной ночи? Уже сейчас глаза жжет так, будто в них полно песка, и все из-за проклятых старинных часов! И почему, интересно, они, столько лет молчавшие, если верить сторожу (ну а зачем ему врать?), вдруг начали бить именно в ту ночь, когда заселились новые постояльцы? Чтоб они провалились, чертовы «куранты»! И это лицо в темноте... от воспоминаний даже мороз по коже. Было оно или почудилось? До сих пор со зрением у Аглаи проблем не возникало, но ведь известно, что от страха может всякое померещиться. Спокойнее, конечно, было бы считать, что от стресса мозг выдал галлюцинацию, но интуиция подсказывала Аглае, что в доме все-таки побывал кто-то посторонний. Да и находка, подобранная в зале на цокольном этаже, настораживала, уж очень чужеродно выглядела эта вещица для места, которое давно содержится взаперти. С одной стороны, ничего особенного, ведь это была всего лишь пуговица, кто-то из работников мог потерять ее там давным-давно, с другой – пуговица выглядела эксклюзивной, если так можно выразиться по отношению к пуговице. Выполненная из светлого дерева, гладко отшлифованная, с выжженными по всей длине узорами, она наверняка была изделием ручной работы. Сделать другую такую пуговицу гораздо сложнее, чем попытаться найти потерянную, тем более что в том зале она лежала на самом видном месте.

Аглая сунула руку в карман джинсов и нащупала свою находку. Она и сама не знала, зачем взяла ее с собой, просто захватила перед выходом из дома. Наверное, чтобы та не затерялась где-нибудь. Или же Аглае не хотелось расставаться с ней. Но каким образом пуговица могла ей пригодиться, она пока себе не представляла.

В администрации Аглае и Дине выдали пропуски и бейджики с их именами, затем попросили подписать договор о временном трудоустройстве, и на этот раз Аглая внимательно его прочитала. Не обнаружив никакого подвоха, поставила подпись. Немного помявшись, спросила и о договоре на проживание, объяснив, что сразу не ознакомилась с ним из-за усталости после дальней дороги. Получив договор, Аглая изучила его от первого до последнего слова и, убедившись, что с ним тоже все в порядке, подумала, что теперь вчерашнее поведение Клавдии Пантелеевны выглядит еще более странным. Или все же Аглая себя накручивает? Какая-то необъяснимая тревога грызла ее, и было непонятно, связано ли это с Клавдией Пантелеевной,

с купеческим домом или с новой работой. Лишь в одном не было никаких сомнений: тревога поселилась у нее внутри вместе с приездом в Дивноречье.

Когда бумажная волокита подошла к концу, Аглаю и Дину отправили получать форму в соседнее здание, где располагались мастерские. Стас, все это время вертевшийся вокруг Дины, распрощался с ними, едва удостоив Аглаю взглядом, и отправился по своим делам. Уходя, пару раз оглянулся – конечно же, не на Аглаю. Это было поразительно. Так бывает только в кино, когда породистые красавцы влюбляются в неказистых простушек! Скорее всего, Стас играет роль, но зачем? Может быть, ему от Дины что-то нужно? Что-то, не связанное с любовными отношениями? Вероятно, им движет какая-то корысть.

Словно прочитав вопрос, отразившийся в глазах Аглаи, Дина произнесла с грустной улыбкой:

- Отец Стаса работает у моего отца в подчинении.
- А-а-а... – протянула Аглая, сдерживая колющее «так я и думала».
- И мы с ним знакомы еще с детства, – добавила подруга.
- Ого! И ты от меня скрывала? Ну-ка выкладывай, что у вас с ним?
- Да ничего. Вообще ничего. Просто пару раз виделись на лыжной турбазе, куда отец от работы путевки брал. И Стас туда приезжал со своими родителями. Такое себе знакомство, шапочное. Я, когда поступала в вуз, даже не знала, что Стас тоже там учится. Так бы, может, в другой вуз пошла.

– Почему же? Мне показалось, вы очень мило общались. Ты выглядела такой... э-м-м... довольной.

– Да-а, Стас нереальный! – Дина мечтательно вздохнула. – Понимаю, что он не для меня, но ничего не могу с собой поделать. На край света за ним пошла бы, если бы позвал.

– Да ладно тебе, может, он искренне! – вырвалось у Аглаи, хотя она совсем так не думала.

– Не волнуйся, как-нибудь разберусь, – ответила Дина и так жизнерадостно улыбнулась, что у Аглаи мелькнула мысль: «А ведь этой своей улыбкой она вполне может кого-нибудь очаровать».

Ткацкие мастерские располагались в бревенчатом доме, длинном, как военная казарма. Полутемный коридор был полон звуков, доносившихся из множества открытых дверей: слышалось мерное постукивание, поскрипывание, шуршание, тихие голоса. Вкусно пахло деревом, шерстью и какими-то травами. Едва Аглая и Дина переступили через порог, к ним вышла статная яркая женщина средних лет в косынке и длинном цветастом платье с плотным коричневым фартуком, покрытым мелкими ворсинками. Она поприветствовала их и назвалась Варварой. Дождавшись, когда гости назовут свои имена, затараторила:

– Глаша и Дина, значит. Ну, будем знакомы. Да вы проходите, проходите! И не разувайтесь, ну что вы! Ничего, не натопчете. Оботрите ноги о половичок-то и ступайте. Грязь не сало, потер – и отстало. Вы за одеждой? Поджидаем вас! Идемте, посмотрите на наших мастериц, а потом и платья себе выберете. Мы ведь одежду сами делаем, с нуля почти, разве что лен не выращиваем, а покупаем. Но дальше весь путь платья у нас проходит. Здесь и пряжи, и ткачихи, и вышивальщицы, и швеи.

Варвара и глазом не моргнула, когда Аглая поморщилась, услышав, что та назвала ее Глашей. Закончив говорить, женщина повернулась и повела их за собой.

В первом помещении чесали лен, и воздух там был полон мелких пылинок, отчего Аглая и Дина сразу расчихались. В прядильной комнате крутились колеса старинных прялок, пряжи управляли ими с помощью деревянной педали, на которую нажимали ногой, а руками вытягивали нить из кудели – рыхлого воздушного комочка шерсти или шелковистого пучка льна. В ткацкой поскрипывали и пощелкивали ткацкие станки, почему-то напомнившие Аглае пыточные сооружения, давным-давно увиденные ею в каком-то музее. Станки представляли собой объемные, примерно два на два метра, нагромождения из деревянных деталей различной

формы, перехваченные кожаными жгутами и веревками. Поперек конструкции тянулась широкая полоса из тонких нитей, сплетавшихся ближе к середине в узорчатое полотно. В ткацкой стояли четыре такие конструкции, по одной в каждом углу. Женщины в льняных сарафанах сидели за ними, низко склонив головы, и перемещали нити неким приспособлением вроде зарешеченной рамочки. Завидев вошедших, они отвлеклись от работы и расплылись в приветливых улыбках. У одной из работниц оказалось очень знакомое лицо. Присмотревшись, Аглая с удивлением узнала Клавдию Пантелеевну. Ее лицо, обрамленное ярким ситцевым платочком, выглядело куда благодуще, чем вчера, в сочетании с «траурным» шарфиком. И не было в ее облике ничего настораживающего, и уж тем более – зловещего. Совсем ничего.

Дина легонько толкнула Аглаю локтем в бок и прошептала:

– Смотри, здесь наша хозяйка. Скажи ей, что договор в порядке.

Аглае жутко не хотелось ничего говорить о договоре, из-за которого она вчера устроила такую некрасивую сцену.

– Сама и скажи, если тебе так хочется, – буркнула она и только потом поняла, что все ее услышали. Ну и ладно!

Клавдия Пантелеевна еще шире заулыбалась, а затем отвернулась и застучала деревянной педалью. Ее руки задвигались над полотном. Льняные нити вздрогнули и начали сплетаться одна с другой.

– Подходите поближе, лучше видно будет. – Варвара, стоявшая позади, подтолкнула их, заставляя пройти дальше. – Только гляньте на это волшебство! Мне кажется, наблюдать за процессом создания ткани можно вечно!

Аглая несколько не разделяла восторгов их провожатой. Ткачество показалось ей наименее интересным занятием. Она даже собиралась признаться в этом во всеуслышание, но тут ее взгляд, скользивший по присутствующим в помещении женщинам, вдруг прирос к одной из них, точнее – к ее одежде, а еще точнее – к пуговицам на горловине рубахи, поверх которой был надет сарафан.

Издали было не очень хорошо видно, и Аглая приблизилась к станку, сделав вид, будто и в самом деле интересуется работой ткачихи. Однако смотрела она не на полотно, а на пуговицы, пытаясь разглядеть их получше.

Это были точно такие же пуговицы, как и та, что лежала в кармане джинсов Аглаи. Но ведь тогда выходило, что обладательница этих пуговиц однажды побывала в доме купца Латкина и заходила в гостиную на цокольном этаже! Может быть, она проникла туда как раз прошлой ночью! Хотя... все пуговицы на ее рубашке были на месте. Успела пришить? Или все-таки не она?

Аглая перевела взгляд на других женщин и едва сдержала разочарованный вздох: еще у двоих ткачих были такие же пуговицы! И точно так же среди них не нашлось ни одной оторванной. Выходит, найденная ночью пуговица вовсе не редкая. Возможно, местные мастера по дереву изготавливают похожие пуговицы в огромных количествах, так что бесполезно пытаться вычислить по застегкам непрошеного ночного посетителя.

Где-то в глубине дома хлопнула дверь. Заскрипели половицы, и послышались чьи-то шаги. В ткацкую вошла девушка, очень хрупкая, словно полупрозрачная: казалось, солнце, бьющее в окно, светило сквозь нее. В руках она держала круглую плетеную корзину, накрытую узорчатым полотенцем. Присутствие Аглаи и Дины явно смутило ее, она даже попятилась и уперлась в стену, не сводя с них испуганно-удивленного взгляда.

– Лукерья, ты чего застыла на пороге? – Клавдия Пантелеевна поднялась из-за станка и, отряхнув подол сарафана, подошла к девушке. – Обед принесла? Хорошо. Но не рановато ли? Остынет же.

– Не остынет, тетя Клава. Я в толстые полотенца котелок завернула, за час точно не остынет, – тихо, почти шепотом пролепетала девушка и покосилась на Аглаю так опасно, будто видела вместо нее злую собаку, способную наброситься в любой момент.

Аглая улыбнулась как можно дружелюбнее, недоумевая про себя, чем могла напугать эту незнакомую девушку. Причем Дину Лукерья словно не замечала, и это казалось Аглае странным: отчего Лукерья на нее одну таращится? Может быть, перепутала Аглаю с кем-то из своих знакомых, когда-то причинивших ей зло? Но чтобы обознаться на таком близком расстоянии, надо иметь совсем уж никудышное зрение! Нет, здесь явно что-то другое.

Клавдия Пантелеевна, все еще стоявшая рядом с Лукерьей и скользившая придирчивым взглядом по ее одежде, вдруг произнесла недовольным тоном:

– Ты «костылёк» потеряла!

Лукерья вздрогнула, отвела взгляд от Аглаи и, вскинув тонкую, как веточка, руку, прикоснулась к вырезу рубахи, застегнутой на уже знакомые Аглае пуговицы. Верхняя пуговица отсутствовала, на ее месте у самой горловины свисали две красные ниточки.

– Ой!.. – Лукерья побледнела еще больше и прикрыла глаза с таким видом, будто стряслось нечто ужасное; голубоватые веки задрожали под напором скопившихся слез.

– Да пустяки, полно у нас в швейной таких пуговиц! Новую пришьет, делов-то! – вмешалась одна из ткачих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.